

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ

СОКРОВИЩА
ВАЛЬКИРИИ. ЗЕМЛЯ
СИЯЮЩЕЙ ВЛАСТИ

Сокровища Валькирии

Сергей Алексеев

**Сокровища Валькирии.
Земля сияющей власти**

«Алексеев Сергей»

1997

Алексеев С. Т.

Сокровища Валькирии. Земля сияющей власти / С. Т. Алексеев —
«Алексеев Сергей», 1997 — (Сокровища Валькирии)

ISBN 978-5-17-047988-7

Земля Сияющей Власти опутана колючей проволокой и заминирована – там, на Балканах, идут бои. Обычная – на первый взгляд – гора Сатва отмечена на картах миротворцев ООН как секретная «зона 0019». На склонах горы творятся чудеса: американские морпехи, крутые парни, побывавшие не в одном сражении, видят «ангелов», бросают оружие и бегут собирать цветы. К горе Сатве лежит путь полковника Арчеладзе, бывшего начальника спецотдела МБ, а ныне вольного стрелка. Он вместе со своей командой объявил личную войну тем, у кого на службе состоит «легион кожаных плащей»...

ISBN 978-5-17-047988-7

© Алексеев С. Т., 1997

© Алексеев Сергей, 1997

Содержание

1	5
2	14
3	27
4	38
5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Сергей Алексеев

Сокровища Валькирии: Земля Сияющей Власти

1

Над непокрытой пегой головой старца, на крепкой руке с плетью, распустив крыла, восседал филин, и огненный птичий взор был глубок и бесконечен, как вечность...

Спички выпали из рук Мамонта, коробок, будто камешек, ушел в рыхлый снег. Инга ликовала, совершенно забыв, что стоит босая.

– Смотри! Человек! Это человек!

– Атенон, – выдохнул Мамонт. – Великий Гой...

– Что? Что ты говоришь? – Она трясла его за руку. – Ты знаешь его? Ты знаешь этого человека?

Владыка Святых Гор приближался медленно, освещая себе путь в голубеющих сумеречных снегах. Кажется, время остановилось, а вместе с ним беспорядочный и бесконечный ток мысли. И все, что мгновение назад казалось важным – жажда тепла, огня, жизни, вдруг потеряло всяческий смысл. А Инга чего-то испугалась и, прячась за спину Мамонта, зашептала срывающимся, хриплым от простуды голосом:

– Он – добрый? Он не сделает зла? Мне страшно, слышишь? Страшно.

– Не бойся, – вымолвил он. – Это Святогор, прикосновение к вечности... Видишь, птица над головой?

– Где – птица? Какая птица?..

– Филин! На руке... Знак высшего разума и власти. И свеча!

– Не вижу... свечи! – Инга дрожала. – И птицы не вижу...

– Потому что ты слепая! Открой глаза!

– Мамонт!.. Это же тень, какая-то фигура...

Он шагнул навстречу Атенону, воздел руки.

– Ура! Я Странник!

Владыка остановился, отвел свечу от лица. Оставалось не больше десятка метров, ясно различался зеленоватый огонь птичьих глаз, свисающие крылья, изморозь на пегой бороде...

– Это же... не человек, Мамонт! – в страхе зашептала Инга, цепляясь за одежду. – Зверь... Чудовище!

Атенон вдруг развернулся и направился в гору, будто предлагая тем самым следовать за ним. Мамонт пошел, однако спутница ухватила руку, рванула назад.

– Не ходи! Прошу тебя!

Он попытался стряхнуть ее и, когда не получилось, чуть ли не волоком потащил за собой по снегу. Инга выпустила руку, но не сдалась, забежала вперед и кошкой прыгнула ему навстречу, ударив головой в лицо.

– Стой! – внезапно прорезался и зазвенел ее голос. – Не пуцу!

Мамонт не почувствовал боли, однако ощутил горячую кровь, хлынувшую из разбитого носа. Свет в руке Атенона померк. Он обернулся, поджидая Странника, и внезапно обратился в косматое чудовище с пылающим взором круглых птичьих глаз. Заиндевелая на холоде шерсть покрывала его с головы до ног...

– Мамонт, миленький, не ходи! – уже молила Инга, повиснув на шее.

Преображение было настолько внезапным, что образ Владыки Святых Гор еще стоял перед глазами, сдваиваясь с человекообразным существом. Мамонт взял горсть снега, утер лицо, размазывая кровь. Сознание медленно возвращало его в реальность, отзываясь в затылке похмельной головной болью. Он просунул руку под фуфайку, непослушными, скрюченными пальцами нащупал пистолет. Снежный человек слегка присел и вроде бы оскалился.

– Зямщиц! – позвал Мамонт. – Почему ты ходишь за мной?

Он был не уверен, что это существо – тот самый несчастный Зямщиц, выпущенный Дарой на Алтае. Этот был на голову выше и шире в плечах. Услышав голос, он сделал мягкий скачок вперед, словно пугая странников, и, помедлив, пошел вокруг них. Мамонт отвел рукой Ингу и взвел курок.

– Уходи!

Выстрел треснул негромко, но откликнулся в горах раскатистым, звучным эхом.

Он не боялся выстрелов, поскольку так же мягко присел, сунул руку в снег и поднял камень размером с человеческую голову.

– Не стреляй, – вдруг попросила Инга и шагнула вперед. – Что тебе нужно? Кто ты?.. Мы не хотим тебе зла, уходи от нас.

Мамонт держал его голову под прицелом, любое движение рукой с камнем – и разнес бы ему череп; с десяти метров не промахнешься.

Снежный человек попятился, однако не выпустил булыжника.

– Иди, ну иди же! – поторапливала Инга, медленно наступая. – И больше не приходи к нам, если не хочешь сказать, что тебе нужно.

Когда между ними осталось метра четыре, мохнатый скиталец медленно развернулся и подался в гору, безбоязненно подставляя широкую спину под выстрел. По пути выбросил камень и оглянулся, неприятно блеснув своим нечеловеческим взором. Несколько минут его высокая фигура маячила на фоне белеющего снега, пока не растворилась среди темных пятен высоких камней.

– А я замерзаю, – вдруг просто сказала Инга и села в сугроб.

Она сама была как снежный человек, босая, и снег уже не таял на ее ступнях. Мамонт расстегнул фуфайку, поднял свитер и просунул ее ноги к себе под мышки. Будто положил два ледяных камня...

– Ничего, – пробормотал он сквозь зубы. – Сейчас согрею...

Согнув ее пополам, он подхватил Ингу с земли и понес к куче заготовленных и уложенных для костра дров.

– Ноги не чувствуют тепла, – сказала она. – И кажется, ты ледяной.

– У тебя есть спички? – безнадежно спросил Мамонт. – Я где-то уронил коробок...

– Спички давно кончились, – со вздохом проговорила Инга. – Я поддерживала огонь...

Не выпуская ее из рук – под мышками уже ломило от холода, – он встал на колени и принялся ощупывать снег возле дров: где-то здесь выпали спички... Впрочем, минутное затмение разума напрочь отключило сознание, и свет от свечи, рожденный воображением, спасительный и вожденный, грел в этот миг жарче всякого костра. Он перелопачивал снег до тех пор, пока тот не перестал таять на руках.

– Говорят, смерть от холода приятна, – сообщила Инга. – Надо только обняться покрепче и закрыть глаза...

– Прекрати! – Он ударил ее по лицу деревянной ладонью – голова мотнулась. – Ни слова о смерти!

– Нас найдут весной, когда растает снег, – продолжала она. – Если это чудовище не съест или звери...

– Язык отрежу! – рявкнул он, наливаясь злобой. – Где спички?! Где я уронил спички?!

– Не знаю... Не заметила.

Мамонт сунул пальцы в рот, пытаясь согреть и вернуть им чувствительность. Снег вокруг кучи дров был уже истоптан ногами и коленями, перемешан; искать сейчас маленький коробок – все равно что искать иголку в сене. Если бы еще не ноша, висящая на груди и ледяными ногами охлаждающая легкие и сердце!..

– Найду! Сейчас! – стервенея от злости, процедил он и вскочил на ноги. – Только нужно согреться!

Около получаса, увязая в снегу и радуясь сопротивлению пространства, Мамонт бежал по открытому месту – в гору и с горы, пока его не пробил пот. Волосы на голове смерзлись, и из-под них, как из-под шапки, бежали горячие капли. Но Инга продолжала замерзать, ноги по-прежнему оставались холодными и неподвижными.

– Все! – крикнул Мамонт и швырнул ее в сугроб. – Будешь выживать сама!

Он растер ее ступни ладонями, затем скинул разогретые сапоги – поочередно, чтобы сохранить тепло, – намотал на каменные серые ноги портянки и натянул обувь, как на манекен. Поднял с земли, поставил, толкнул под гору.

– Бегом!

Инга сделала пару неуверенных шагов, рухнула лицом в снег.

– Встать! – Мамонт выхватил из кучи дров палку. – Встать, сказал!

Она приподнялась на руках и вдруг улыбнулась, с растрескавшихся губ засочилась кровь.

– Мне уже хорошо, тепло...

Мамонт ударил ее раз, другой – Инга только улыбалась, не чувствовала боли. Тогда он снова поставил ее на ноги и потянул за собой. Спутница едва перебирала ногами, каждую секунду готовая упасть в снег и увлечь за собой Мамонта. Он втоптал ее в гору проторенным следом, а с горы потянул целиной.

– Бегом! Носом дышать!

От напряжения лицо ее еще больше посерело, вытянулось, нос заострился. Первый круг не разогрел ее, но вернул к ощущению реальности; Инга стала чувствовать боль, дыхание сделалось стонущим и хриплым. На втором круге, когда бежали с горы, Мамонт понял, что у самого отмерзают ноги в одних тонких носках, пальцы стали деревянными.

– Ну, жить хочешь? – спросил он, встряхивая Ингу за плечи.

– Хочу, – пролепетала она. – Только ноги...

– Болят?

– Нет, не болят...

– Это плохо! Плохо! Должны болеть! Бегом!

Нарезая этот круг по целинному снегу, он уклонился вправо и, увлеченный бегом с горы, не заметил, как миновал кучу дров, углубившись в лес. Снегу здесь было мало, по щиколотку, а спуск довольно крутой. Бежали, пока дорогу не перегородила упавшая старая сосна, зависшая кроной на других деревьях и напоминающая шлагбаум. Мамонт перевел дух. Пока не остыли пальцы, следовало разуть Ингу и теперь самому спасти ноги. Он усадил ее на валежину, взялся за сапог, но она неожиданно толкнула его.

– Не отдам!

Хотела жить! Мамонт схватил ее за обе ноги.

– Молчать! У меня тоже отмерзают пальцы!

– Я девушка! – внезапно вспомнила она и осеклась.

– Ты не девушка! – прорычал он. – Ты странница! Мы оба с тобой!..

Она стала бить его кулачками по голове и лицу, сквозь хрип воспаленного дыхания слышались слезы.

– Как ты можешь?.. У меня только начали согреваться ноги!..

– Читай стихи! – крикнул Мамонт. – Ты же писала стихи? Читай!

– При чем здесь стихи?!

– При том, что ты теряешь рассудок!

Инга резко перестала сопротивляться, и чтобы не упасть с валежины, пока он стаскивает сапоги, вцепилась в его заиндеветые волосы. Мамонт ощупал ее ступни – все еще лед... И портянки холодные. Он надел один сапог, взялся за другой, и тут Инга неожиданно выпустила его волосы, сказала со знакомым затаенным страхом:

– Смотри! Там есть жизнь? Или нет?

Она указывала куда-то под колодину.

– Что там?

– Смотри! Если идет пар, значит, там есть тепло. Разность температур...

Из-под валежины, на которой сидела Инга, в двух метрах от нее действительно курился слабый парок, чуть больше, чем от чашки с горячим чаем.

– Что, если здесь – выход? Который мы ищем...

В голове блеснула молния! Точно! Вход в пещеру начинался возле склоненного дерева! Правда, были еще приметные камни, которых здесь почему-то нет, и, кажется, не было вокруг такого густого леса... Но сейчас зима, изменилась обстановка, да и совсем иная, хотя и сходная ситуация: тогда на руках был раненый Страга, Виталий Раздвогин. Как ни старайся запомнить детали, их заслонят в памяти более значимые обстоятельства.

Так и оставшись в одном сапоге, Мамонт осторожно, на четвереньках, подобрался к курящейся отдушине, поймал парок ладонью, ощупал мшистый и заиндеветый бок упавшей сосны, затем опустил руку в чернеющий круг, напоминающий нору суслика. И вдруг ощутил знакомый мерзкий запах зверя, спутать который невозможно ни с чем.

– Это берлога, – одними губами сказал он Инге. – Медвежья берлога.

И будто в ответ на его шепот из недр земли послышалось глухое и грозное ворчание.

– Бежим отсюда! – выдохнула Инга. – Скорее!..

– Нет! – вдруг засмеялся он и достал пистолет. – Отойди подальше!

– Зачем? Не надо!..

– Пошла вон! – рявкнул он и как мешок перевалил ее за колодину.

А глухой рев на одной ноте только нарастал и готов был взорваться в любую секунду. Мамонт отломил сук от валежины, но сунуть в отдушину не успел – снег на том месте вдруг вздыбился, и в метре от ног появилась пегая, огромная голова. Одновременно громогласный устрашающий рык заполнил заледенелое пространство.

Мамонт стрелял в упор. Бил в широкий лоб, а думал, что надо бы в ухо. Пистолет дернулся в руке последний раз, и затворная рама осталась в заднем положении. Вспышки огня перед глазами ослепили его, оранжевые пятна плясали на снегу, и он, почти незрячий, лихорадочно искал в карманах запасную обойму, на всякий случай отскочив за валежину.

– Ты убил его! – то ли осуждала, то ли комментировала Инга, дергая за полу фуфайки. – Ты убил! Убил!

Обойма нашлась в нагрудном кармане куртки. И пятно наконец сморгнулось: у колодины зияла черная дыра, курился обильный пар, словно из полыньи, и доносился низкий, почти человеческий стон. Мамонт зарядил пистолет и выстрелил еще дважды, ориентируясь на звук.

– Зачем ты убил его? – спросила Инга, и он наконец разобрался в интонации – осуждала...

– Сейчас узнаешь, – бросил он и подобрался к отдушине.

Там, внизу, стало тихо, разве что доносился шорох, будто осыпался поток песка. И все-таки соваться в непроглядный мрак было опасно и боязно до внутренней дрожи. Мамонт достал нож, откинул лезвие и с пистолетом на изготовку полез вниз головой. И именно в этот миг вспомнился ему один из членов экспедиции Пилицина, которого подрал медведь, зимовавший в гроте. Тьма и неизвестность впереди напоминали открытый космос, и никакая психологическая подготовка не сняла бы врожденного, генетического страха перед мертвой пусто-

той. Лаз оказался тесным только в устье, далее ход значительно расширился и круто уходил вниз. Тормозя грудью и плечами, Мамонт скрылся под землей с ногами, и лишь тогда рука с ножом наткнулась на твердь...

Ощупал пространство – медведя не было! Сверху его звала Инга, что-то спрашивала, и он мысленно зло посылал ее к черту. Протащившись метр вперед, он с трудом встал на четвереньки и ткнулся головой во что-то мягкое, источающее влажное тепло. Должно быть, мертвый зверь скатился в самый дальний угол берлоги, довольно глубокой, но узкой – все-таки это был грот, естественная полость, давно облюбованная медведем: под коленями чувствовался мощный пласт травяного настила. Сначала Мамонт ощупал добычу, убедился, что зверь без всяких признаков жизни, и только после того спрятал пистолет. Теперь медведя следовало перевернуть с живота на спину, а сделать это в тесноте оказалось трудно, к тому же туша весила килограммов под триста. Кое-как Мамонт уложил его на бок и ощутил резкую слабость, обычную после пережитого стресса, вытер вспотевший лоб. В берлоге было душно, не хватало кислорода, хотя к воню он уже привык и не замечал тошнотворности запаха.

– Спускайся сюда! – крикнул он в зияющую пустоту лаза. – Быстро!

Сверху не донеслось ни звука. Он пополз к свету, упираясь ногами в стенки, высунул голову, совсем как медведь. Инга убежала вниз по склону, хватаясь за деревья, чтобы сохранить равновесие. Мамонт догнал ее, схватил за шиворот и, не обращая внимания на сопротивление и злое пыхтение, потащил назад, к берлоге. Откуда и силы взялись... Возле лаза он опрокинул ее и, как куклу, сунул головой в черную отдушину.

– Не хочу! – захрипела она. – Ты убийца! Зачем ты убил?

От ее протеста отдавало сумасшествием: в момент сильного эмоционального переживания в ней обострилось то, что было самым слабым в ее психике – болезненное отношение ко всякой смерти.

– Это зверь, – попытался отвлечь ее от навязчивых мыслей Мамонт. – А мы с тобой – охотники, понимаешь? Так устроено в мире: человек всегда охотник, в том числе и за диким зверем.

– Он – беззащитный! – хотела крикнуть, но просипела она.

– Нет, это мы сейчас беззащитные! Потому что не звери, а люди, и нам не выжить без добычи. Мы умрем на морозе, а этот медведь – никогда.

– Это нечестно! – В ней еще бродил и не сдавался обостренный стрессом юношеский максимализм.

– А я сказал – честно! – прорычал он в лицо. – Это был честный поединок.

Она не сломалась, но замолчала, выбившись из сил и не способная уже ко всякому сопротивлению.

– Помогай мне! – приказал Мамонт. – Зверя нужно перевернуть на спину.

– Зачем?..

– Не твое дело! Помогай!

Окрики на нее еще действовали. Он снова ухватился за лапу, задрал ее вверх и стал рывками, по сантиметру, оттягивать зверя от стены, таким образом опрокидывая тушу на хребет. Инга тоже что-то делала, пыхтела рядом, и они часто стучались головами и встречались руками. Когда медведь наконец оказался на спине, Мамонт достал нож.

– Раздевайся!

– Как? – опять испугалась она. – Зачем?

– Не задавай дурацких вопросов! – Он всадил нож в брюхо зверя и стал вспарывать шкуру.

– Я не буду раздеваться! Не хочу!

– Тогда это сделаю я! – проревел Мамонт. – Живо раздевайся! Догола!

– Я замерзну! – слабо воспротивилась она. – Не понимаю, что ты хочешь...

– Ты хочешь жить? Если хочешь, выполняй, что я требую.

Инга замолчала, зашуршала курткой. Мамонт вспорол зверю брюхо от грудной клетки до таза, на ощупь располосовал диафрагму, пахло теплом...

– Готова? Ну?!

– Нет еще...

Он спрятал нож, перебрался через тушу и стал сдирать с Инги одежду. Вытряхнул, выпростал ее из свитеров, штанов и нижнего белья, затем подхватил поперек и стал заталкивать в горячее медвежье чрево.

– Что?.. Что ты делаешь? – бормотала она. – Что ты со мной делаешь?..

Мамонт упрятал ее в тушу почти с головой, ногами в грудную клетку, стянул разрез на медвежьем брюхе, будто запахнул спальный мешок.

– Лежи, – сказал примирительно. – И постарайся уснуть. Считай, что ты – в материнском чреве. Придет утро, и ты родишься во второй раз. А человек всегда рождается в крови и муках. Так что лежи спокойно. Сейчас тебе станет тепло и хорошо. Потому что нет ничего спасительнее материнского тепла...

Инга не отзывалась. Мамонт ощупью нашел ее лицо, послушал дыхание – спутница уже спала.

Он не обманывал, когда говорил о чудодейственности не просто биологического тепла, а материнского, особого тепла, поскольку добытый зверь оказался медведицей, и два вырезанных из чрева медвежонка вместе с маткой лежали сейчас в углу берлоги. Прежде чем угнездиться самому рядом с тушей, он взял их, вытащил наверх и забросил подальше в снег...

Во сне она стонала и плакала от боли – отходили обмороженные ноги. И он скрипел зубами, ощущая ту же боль, разламывающую пальцы, но ни разу не проснулся до конца, чтобы ощутить явь. Наконец, вырвавшись из тяжелой дремоты, он обнаружил, что на улице день и отраженный от снега яркий солнечный свет достает до глубин медвежьей норы, так что можно различить свои руки.

Инга еще спала, и лицо ее смутно белело на черной шкуре. Мамонт густо смазал обмороженные и распухшие пальцы медвежьим жиром, намотал портянки и, пересиливая боль, загнал ноги в сапоги. Пока спутница не проснулась, следовало сходить и поискать спички: в мерзлом снегу они не могли размокнуть. Однако едва он сунулся в лаз, как Инга окликнула громким, шипящим шепотом – потеряла голос.

– Мамонт? Мамонт!.. Где я?

– Ничего не бойся. – Он потрогал ее лицо. – Я сейчас пойду искать спички. Потом разведу костер и приму роды.

– Какие роды?

Она заспала все, что было вчера, и это разгрузило ее психику. Сейчас ей можно было рассказывать сказки...

– Тебя проглотил медведь. И когда у нас появится огонь, я достану тебя из брюха. Помнишь сказку про Красную Шапочку?..

– Нет, правда, где я? Наконец я согрелась, первый раз, даже тела не чувствую... Только ноги ноют.

– Говорю же, в медвежьем брюхе.

– Зачем ты обманываешь?.. Я уже не верю в сказки.

– А жаль... В таком случае, лежи и не шевелись. Береги тепло, скоро его не будет.

Он выбрался наружу и несколько минут не мог смотреть – резало глаза от сверкающего солнца и зернистого снега. Мороз давил градусов под тридцать, заиндеветые деревья стояли неподвижно, будто соляные разводья в Зале Мертвых. Мамонт прошел своим старым следом к куче дров, первым делом поднял и отряхнул от снега волчий трюх, натянул его на голову, затем

взял топор и принялся разгребать лезвием снег. Рыл почти до земли, медленно продвигаясь по пути своего безумного вчерашнего движения к призрачному старцу. Если бы успел чиркнуть спичкой, запалить заготовленную бересту, не было бы видения. Живой огонь в один миг вернул бы разум из-за роковой черты, где начинается бесконтрольная игра воображения... И все-таки, откуда на Урале взялся еще один снежный человек? Ведь давно уже, от самого водораздела, гонится он по его следам, проявляя то ли простое любопытство к себе подобному существу, то ли преследуя Мамонта с определенными целями. Неужели хранители «сокровищ Вар-Вар» свели с ума и превратили в говорящую обезьяну не одного только Зямщица?..

Мамонт вскопал длинную гряду снега чуть ли не до следов снежного человека и ничего не нашел. Он точно определил, где стоял, когда окликнула Инга, и как потом пошел к пригрезившемуся Атенону, и в каком месте примерно выпустил из руки коробок, однако снег на этом вероятном пути движения оказался пуст. Возвращаясь назад, к дровам, он внезапно увидел спичку, воткнувшуюся в снег вверх серной головкой! Она оказалась с правой стороны, значит, коробок должен лежать где-то слева. Убрав драгоценную спичку в бумажник, Мамонт встал на колени и принялся перелопачивать снег, постепенно увеличивая круг. И с подступающей тоской ощущал, как все меньше и меньше остается надежды. Нельзя было допускать, чтобы она иссякла вообще.

Мамонт подстелил одеяло и сел на кучу дров, в который раз проигрывая в воображении вчерашние события. Здесь наверняка было заколдованное место, некая «черная дыра», куда улетало все, что хоть на мгновение выпущено из рук или памяти. Замкнутый круг, обманчивое пространство, где почти не действует сила разума и логики. Всего в полукилометре перевал Дятлова, где накрылась целая группа туристов, кем-то напуганных, сбежавших полуголыми в мороз из теплой палатки. А чуть подальше – зловещая гора Солат-Сяхла, Гора Мертвых...

Может, постучался к ним или заглянул снежный человек? Или он и есть – дух смерти?..

Ноги начинало прихватывать, обмороженные пальцы быстро и безболезненно потеряли чувствительность. Мамонт подобрал оставленные вчера вещи и скорым шагом направился к берлогу. Нужно отогреться, хотя медвежья туша уже остыла и лишь в чреве еще хранится тепло, «принять роды», запеленать новорожденную и снова искать, пока светло. Перерыть три раза, десять, просеять весь снег, ибо от этого зависит жизнь. В медвеьем логове скоро станет так же холодно, как и на улице...

Найденную спичку оставить на самый крайний случай, когда иссякнет всякая надежда, ибо зажечь ее без коробочка не так-то просто, а пока она лежит целой, есть узкая щель из этой «черной дыры»...

Мамонт спустился в берлогу: оказалось, Инга спала и проснулась от шороха в горле лаза.

– Это ты? Мамонт? – испуганно зашептала она. – Кто заслонил свет?

– Вставай! – приказал он, нащупывая в темноте ее одежду. – Пора тебе явиться на свет Божий.

– Но мне тепло, зачем?..

– Не заметишь, как вмерзнешь в тушу! – Мамонт расширил отверстие у головы. – Все нужно делать в свой срок. Помнишь, у Экклезиаста...

– Я не читала Экклезиаста, – призналась она. – Скажи, где я?

– Если до сих пор не поняла – расскажу потом. – Он взял ее за плечи и посадил почти насильно, рывком напялил на голову тонкий свитер, просунул руки в рукава.

– Почему я... влажная? И запах... крови?

– Не задавай глупых вопросов, – оборвал он и, приготовив брюки от спортивного костюма, вынул Ингу из чрева. – С днем рождения тебя!

– Мне так стало холодно, – сжалась она. – Почему так холодно?

– Сейчас запеленаю, – пробормотал он, натягивая брюки на скользкие, пропитанные внутренним медвежьим салом, бедра. – Можешь покричать. В этом мире человек давно уже рождается со слезами.

– Как странно ты говоришь, – стуча зубами, вымолвила она.

– Сказку рассказываю.

Несмотря на все усилия, ступни ног ее разбарабанило, пальцы торчали врасстопырку, как на надутой медицинской перчатке. Мамонт нарвал внутреннего сала, обложил им ноги и надел носки. Затем упаковал ее ступни в волчий треух, обернул сверху одеялом. В берлоге сильно похолодало, толстый подстил под ногами начинал смерзаться: лишь огромное животное телом своим способно было обогревать это жилище, поддерживать в нем плюсовую температуру. Чтобы выжить здесь человеку, надо было снять шкуру со зверя, разделать тушу и вынести мясо наружу. Из шкуры можно сшить спальный мешок мехом внутрь – на двоих будет впору, но сырое мясо есть не станешь, через сутки-другие желудок не примет...

Огонь! Нет человеку жизни без огня!

Идти искать вход в подземное царство Хранителей невозможно, пока не заживут обмороженные ноги. К концу дня уже вздуются волдыри, хорошо если обойдется без омертвления тканей...

Мамонт соорудил из подстилки толстый кляп, заткнул лаз: все равно свету недостаточно и уж лучше работать в полной темноте, на ощупь. Он усадил Ингу в дальний угол берлоги, где задняя стенка камеры была покатою, сходящей на клин, и взялся сдирать шкуру. Снял ее с лап, потом с одного бока, и когда приступил ко второму, спутница неожиданно подала голос:

– Странно... Откуда-то тянет сквозняком.

Он бросил нож, пробрался к Инге, подставил влажные руки. Движение воздуха было! Только очень слабое, и тянуло из угла под самой кровлей. Мамонт ощупал стены – камень, слегка истрескавшийся монолит. Вполне возможно, что из берлоги имелась еще отдушина, выходящая на поверхность. Всплеск радости иссяк так же быстро, как и возник. Но зато, пока он снимал шкуру, вспомнил еще один способ добычи огня: попробовать выстрелить из пистолета в вату, надерганную из фуфайки. Пулю от «макаровского» патрона без инструментов не вытащить, однако если привесить ком ваты к сухому дереву и пальнуть, вплотную приставив ствол, хлопок должен затлеть. Обязан!

Это настолько увлекло Мамонта, что он, едва закончив со шкурой, вынул кляп из лаза и выбрался наверх.

И не поверил своим глазам!

Там, на склоне, у края леса, где он вчера обронил спички, горел костер и высокий, плотный столб дыма вертикально уходил в небо.

Забыв обо всем, в том числе и о ногах, отзывающихся болью при каждом движении, Мамонт бросился в гору, задохнулся от морозного воздуха на первой сотне метров. Нет, на сей раз это был не призрак, не галлюцинация: куча дров, заготовленная вчера, пластала высоким, белым пламенем, и снег уже вытаял вокруг, обнажив каменистую, влажную россыпь. Однако он, как Фома-неверующий, встал на колени, дополз до огня и сунул руки – жгло, палило! А по спине бежал озноб, ибо от костра по перелопаченному снегу тянулась свежая цепочка человеческих следов...

И вид их приводил в ошеломляющий, мистический восторг более, чем полыхающий огонь: кое-где отпечатались четкие следы маленьких женских туфельек или сапожек на тонком каблуке.

Мамонт вскочил, огляделся: белое безмолвие под солнцем, перевалившим за южную сторону Уральского хребта, от камней – длинные тени, блеск морозной иглы в воздухе – единственное движение во всем окружающем мире... Он побежал рядом со следами, боясь затоптать их, пробуравил несколько сугробов, выскочил к глубоким бороздам, оставленным вчера,

когда они с Ингой разогревались, и тут потерял след! Точнее, не потерял, ибо мудрено это сделать на снегу, а обнаружил другие, оставленные тяжелыми горными ботинками с рубчатой подошвой, словно невесомое это существо, бегущее на каблучках, на ходу переобулось и двинулось дальше нормальным человеческим шагом тренированного в горах человека. Следы тянулись к хребту, к перевалу Дятлова...

Ему вдруг пришла мысль, что Валькирия таким образом подала ему знак. Спустилась вниз, запалила костер, оставила роспись свою в виде изящных следов от туфель, а затем ушла назад, своим же следом.

И если не захотела показаться ему, значит, так надо. Повинуюсь року!

Он побрел назад, к костру, полыхавшему высоким красным столбом. Склон хребта, густые шапки кедровника внизу и часть неба – все плавилось и колыхалось в огромном мареве. Он как-то по-детски ликовал и любовался огнем, может быть, впервые в жизни с такой остротой ощутив его магическую силу.

До костра оставалось шагов пятнадцать, когда он внезапно увидел людей, стоящих полукругом. Скорее всего они только что выступили из-за огня, скрывающего от глаз широкий «коридор», и теперь стояли, протягивая руки и подставляя лица теплomu излучению. Четверо мужчин в военном снаряжении: зимний камуфляж, перетянутый многочисленными ремнями, боевые «передники» с запасными магазинами, плоские, туго набитые вещмешки, подсумки, на головах сферические каски. Всё, и даже лица, окрашено в бело-голубоватые тона с «мраморными» прожилками. У каждого под правой рукой висел короткий пистолет-пулемет типа спецназовского «Кедра», у одного ко всему прочему – снайперская винтовка.

Они откровенно поджидали, когда Мамонт приблизится к ним, и не оставалось сомнений, что это примитивная, однако тонко рассчитанная засада-ловушка: запалили костер, отвлекли его следом женских каблучков, а потом вышли из укрытия...

Мамонт, оценивая ситуацию, продолжал двигаться к огню и незнакомцам так, как опытные охотники советуют приближаться к матерому хищнику – ни на мгновение не показывая виду, что тебе страшно. Он остановился возле костра – ему оставили место возле него! – и только сейчас рассмотрел, что все четверо – восточные желтолицые люди. Узкие, раскосые глаза смотрели пытливо, настороженно и с оттенком той доброжелательности, за которой могло скрываться все, что угодно...

2

За два года работы спецотдела Арчеладзе по заданию «папы» подготовил четыре законспирированных базы в Москве и Московской области и одну, пятую – некий резервный «отстойник» на случай особого положения, – в Нижнем Новгороде. Причем на всех была создана полная мобзакладка авто– и авиатехники, оружия, боеприпасов, средств связи, комплектов документов прикрытия и денежного довольствия в валюте. Все это делалось якобы для того, чтобы получить полную независимость спецотдела на все случаи жизни, а значит – объективность в розыске исчезнувшего золотого запаса. Арчеладзе знал, что при резком изменении политической обстановки в России он должен был уйти со всей своей командой на нелегальное положение, вплоть до лучших времен или специального распоряжения «патрона».

И он ушел, хотя обстановка в государстве никак не изменилась...

Он представлял себе, что такое – выйти из подчинения «папы». Великая тройка – Колченогий, Комиссар и «патрон» немедленно соберутся, обсудят ситуацию, и непременно начнется обширный поиск и ликвидация – в том числе физическая – всего спецотдела. Разумеется, адреса всех баз были известны «патрону», тем более этой, учебно-тренировочной на Клязьме, а уходить и ложиться на дно следовало надежно и немедленно. Конечно, безопаснее сейчас было исчезнуть из Москвы, например, в Нижний Новгород – именно так и решит Великая тройка, и поиск начнет оттуда, поэтому Арчеладзе остановился на самом, по его логике, удобном и нужном сейчас варианте – уйти на базу, которая проходила под кодовым названием «Душегрейка». Она располагалась на территории столицы, а точнее, под ней – в бесчисленных подземельях Москвы. Организовали ее в ту пору, когда спецотдел исследовал возможность вывоза золотого запаса по системе подземных коммуникаций. Если в руках есть точная карта, шифры кодовых замков и ключи от многочисленных железных решеток и дверей, можно стать в этих подземельях вездесущей тенью, всепроникающим духом нижнего мира столицы.

Все это было в спецотделе. Мало того, «папа» взял под контроль весь этот нижний мир. Однако и карты, и шифры, и универсальные ключи – все осталось в сейфе. Поэтому, прежде чем перебазироваться, Арчеладзе послал Воробьева в отдел, где уже хозяйничали люди Комиссара. К счастью, оказалось, что оккупирована лишь дежурная часть, хотя опечатаны все кабинеты. Вероятно, полный захват планировался с началом рабочего дня. Имея ключи и определенную сноровку, Воробьев без особых трудов проник в кабинет и открыл нужный сейф. Конечно, ему приходилось спешить и сильно рисковать, работая без всякой поддержки и обеспечения, поэтому он вместе с компьютерными дискетами и ключами случайно прихватил три пакета из красного пластика, оборудованных самоликвидаторами. Он был хорошим оперативником, но всю жизнь его преследовал рок – в самый критический момент происходила какая-нибудь оплошность, вроде пресловутого кота, выпущенного из квартиры Зямщица во время проведения литературных мероприятий. Эти пакеты из того же ряда. Два из них можно было попросту уничтожить, чтобы не наживать лишней головной боли: они касались агентуры зарубежного отделения, а вот третий значительно осложнил ситуацию, точнее, мог осложнить. Это были личные инструкции «патрона», определяющие действия спецотдела и его начальника при объявлении чрезвычайного положения в России, то есть часа «Ч». Проделав своеобразные манипуляции, Арчеладзе вскрыл пакет, ознакомился с инструкциями и понял, что теперь он «папе» – личный и смертельный враг, поскольку написанные собственноручно бумаги – мощнейший компромат, подтверждающий давнюю мысль полковника о готовившемся Великой тройкой государственным перевороте.

Сражаться с «патроном» не входило в планы Арчеладзе, достаточно было одного противника – Интернационала, которому и была объявлена война. Теперь «папа» мог стать ощутимой помехой, вязать его действия, висеть над головой дамокловым мечом. А полковник предпо-

лагал на определенном этапе начать большую игру с Великой тройкой, жаждущей контакта с Интернационалом. Воробьев постарался и, по сути, открыл второй фронт...

«Патрон» в своих инструкциях предписывал после объявления часа «Ч» немедленно эвакуировать спецотдел со всеми материалами групп «А» и «Б» на одну из секретных баз, расположенных вне города, а Кутасова с командой на базу в Москве. После этого, действуя строго конспиративно, произвести аресты лиц, список фамилий и адресов которых прилагался. Были здесь имена известных и весьма популярных политиков самого разного толка – занимающих очень высокие посты или находящихся в опале, – целого ряда журналистов влиятельных газет и телевидения, крупнейших банкиров, директоров заводов, заметных в обществе юристов, работников МИДа, некоторых ученых из военно-промышленного комплекса и лидеров самых разных партий и движений. Из каких соображений, по какому принципу «папа» составлял эти «черные» списки, разобраться без специальных исследований было практически невозможно. На первый взгляд все казалось полной бессмыслицей, поскольку в одном строю оказывались ярые поборники демократии и неистовые коммунисты, правозащитники и бывшие генералы, покрывшие себя славой держиморд, монархисты и либералы, а то и вовсе далекие от политики люди. Всех арестованных следовало вывозить на загородную секретную базу по выбору самого начальника спецотдела, но туда, где можно организовать небольшой тайный концентрационный лагерь, и содержать заключенных до особого личного распоряжения «патрона». Кроме того, был отдельный и короткий список фамилий и адресов – тоже в не менее странном подборе, – по которым Арчеладзе, под личную ответственность, обязан был выслать круглосуточную негласную охрану из числа наиболее подготовленных оперативников, дабы пресечь возможные теракты.

Очевидно, в кажущейся бессмыслице существовала строгая и четкая закономерность: бывший партийный босс, зубы съевший в аппаратных играх, рассчитал и спланировал все до последней мелочи. И не учел единственное – вольнолюбивую и непредсказуемую натуру самого Арчеладзе. Впрочем, до недавнего времени полковник и сам бы не поверил, что может оказаться в сегодняшнем положении, что объявит личную войну Интернационалу и тем самым поставит себя вне закона. Так что «патрон», моделируя его поведение в особых условиях, предугадал все точно и был уверен, что начальник спецотдела выполнит инструкции до последней буквы.

Пожалуй, так бы оно и случилось. Однако Арчеладзе сам себе стал казаться непредсказуемым и даже отлично помнил момент, когда это случилось, когда он ощутил первый толчок этого самого вольнолюбия.

И было как-то несерьезно, даже смешно признаться себе, что этот миг наступил, когда, стоя перед зеркалом, обнаружил, что у него на голове начинают расти волосы, а на подбородке щетина – признак мужского начала...

Более весомые причины бунта появились позже – пережитое унижение, Капитолина, зарезанный, как баран, старик Молодцов и, наконец, убийство Витьки Нигрея.

И все-таки отсчет времени начался с того первого восторга...

Он считал, что первый и довольно ощутимый удар противнику нанесен расчетливо и дерзко: три «легионера смерти» остались лежать в квартире Арчеладзе, четвертый, одорукий, со стрелой в груди, оказался в мусорном контейнере, неподалеку от целого куста редакций популярных газет. И было два пленных – Виталий Борисович, захваченный в доме Зямщица, и только что прибывший в Москву новый миссионер Альфред Каузерлинг, похищенный из гостиницы «Россия».

Перебравшись в «Душегрейку», Арчеладзе приказал Кутасову не высовываться наверх и в течение трех дней тщательно обследовать все прилегающие к базе подземные коммуникации и подыскать удобные места для новых, запасных баз в противоположных частях нижнего

мира столицы. Бывший мосфильмовский трюкач в пору длительного безделья в спецотделе уже занимался обустройством «Душегрейки», отлично ориентировался в катакомбах и имел свой, «личный» выход на поверхность – через подвал жилого дома на Каланчевской улице. Личный, потому что обнаружил его сам и оборудовал дополнительными средствами, исключая проникновение кого бы то ни было. И потому, что жил в этом доме... Воробьев получил задачу отслеживать ситуацию в городе и контролировать действия Великой тройки. На следующий же день он принес первую весть о действиях Комиссара, а значит, и «патрона»: все остающиеся сотрудники отдела поголовно и с соблюдением секретности были арестованы и помещены в четыре конспиративные квартиры, где началось дознание, именуемое служебным расследованием. Однако уже через сутки всех отпустили, и по причине неожиданной: жены, дети и родственники созвонились между собой и устроили на Лубянке небольшую, но крикливую демонстрацию, с угрозами сделать арест достоянием гласности.

Одну глупость Комиссар уже сделал. Но в другом он реабилитировался. Труп однорукого со стрелой канул в безвестность. Каждое утро Арчеладзе сам выбирался из «Душегрейки» – во-первых, чтобы не одичать, во-вторых, купить свежие газеты. В прессе было все, что угодно, кроме информации о загадочном убийстве с применением редкого оружия – арбалета. А журналисты должны непременно клюнуть на такой средневековый способ преступления! Ладно, их могли не допустить в квартиру Арчеладзе, где остались лежать легионеры в кожаных плащах, но тут-то, в сотне метров от редакций? Значит, «папа» приказал тщательно прятать все концы, оставленные подчиненным ему начальником спецотдела, ибо ему, ищущему контактов с Интернационалом, сейчас не выгодно любое подозрение, связанное с убитыми легионерами и похищенным Альфредом Каузерлингом. «Патрон», а вместе с ним и Комиссар будут молчать как рыбы, и, мало того, будут оправдывать и каким-то образом объяснять исчезновение Арчеладзе, порой даже прикрывать его, и одновременно вести лихорадочный поиск ушедшего в подполье полковника.

Он их тоже хорошо вязал... Если считать, что операция с одноруким убийцей не получилась, то ее следовало непременно повторить, только уже предусмотреть тактику противника. Великая тройка больше всего сейчас боялась огласки своих тайных замыслов и деятельности, и потому, чтобы навсегда отсечь ее от Интернационала, надо было организовать эту огласку. Следующим на очереди был пленный Виталий Борисович, вероятно, исполнявший роль резидента, организатора целой серии «самоубийств» и подложных версий об исчезновении золотого запаса.

Он многое знал и умел молчать. Воробьев, а затем офицеры из группы Кутасова пытались вытряхнуть из него хоть какую-нибудь информацию, однако он готов был идти на эшафот, сохраняя верность каким-то своим идеалам и клятвам. Мало того, он догадывался, что Арчеладзе занимается самодеятельностью, и начинал постепенно наглеть, пытаясь завербовать полковника в свой Легион и обещая простить все прегрешения.

– Служить я вам не буду, – напоследок сказал ему полковник. – А вот ты мне послужишь. Не живой, так мертвый. Твой труп найдут сегодня утром в мусорном контейнере при большом стечении московского люда и журналистов. Ты станешь пятым из Легиона, казненным по нашему ритуалу – стрелой. Думаю, мой замысел понятен?

– Сучья страна! – выругался Виталий Борисович. – Ничего, идиоты, дождетесь натовских танков... А можно было и без них.

Резидента пустили в расход, и едва его труп со стрелой оказался в мусорном контейнере, Воробьев обзвонил более десятка газет и все телевизионные каналы. Представляясь работником милиции, он сообщал о загадочном убийстве – дежурные репортеры едва не визжали от удовольствия. Скоро к контейнеру начали подъезжать редакционные автомобили, а там еще не было ни милиции, ни «скорой помощи», поскольку Воробьев звонил им в последнюю очередь, как житель дома, во дворе которого собралось много машин и людей – вроде бы намечалась

бандитская разборка. До приезда оперативной группы журналисты уже отыскивали труп, но, зная толк в криминалистике, не трогали его и старались не затаптывать следы: снимали его на пленку, записывали телерепортажи с места происшествия и начинали собственные расследования, поднимая с постелей жителей близлежащих домов. Минут двадцать Воробьев бродил среди этой гомонящей возбужденной толпы и уехал, когда на помощь бойцам РУОПа, первым прибывшим на место происшествия, приехали коллеги с Лубянки. С уст газетчиков не сходило слово «стрела», так поразившее журналистское воображение.

Арчеладзе сам разрабатывал эту операцию и следующим шагом наметил инспирировать утечку информации, которая бы притянула внимание прессы к «папе» и Колченогому – пусть они попробуют объяснить, кто этот человек, расстрелянный из арбалета. Конечно, они вряд ли станут давать интервью по этому поводу, однако всякое их нежелание, отказ разговаривать с журналистами вызовет лишь убежденность последних, что «серые кардиналы» каким-то образом связаны с неординарным убийством. И пусть себе роют, копают – такая у них работа – и, дай Бог, вытащат информацию, что этот труп со стрелой – не первый. Сейчас конец года, идет подписка на следующий, и те издания, что не имеют бюджетной подпитки, будут рыть изо всех сил, чтобы выжить. В свою очередь, навстречу им станут копать сотрудники правоохранительных органов и тоже, чтобы выжить. Рынок есть рынок: продается все, что имеет спрос, в том числе и оперативная информация секретного характера. Оставалось лишь наводить газетчиков на нужных людей, подталкивать их на верный путь. Естественно, все это следовало делать после соответствующей реакции репортеров.

А реакция эта оказалась совершенно неожиданной: буквально на следующий день во многих изданиях появились публикации о трупе, найденном в мусорном контейнере, а вечером по телевидению проскочил короткий сюжет, снятый на месте происшествия, с невразумительным комментарием об очередной тривиальной мафиозной разборке. И нигде ни слова о стреле! Все либо обходили способ убийства, либо называли причиной смерти ножевое ранение. Что касается личности потерпевшего, то тут царил полный разбой. В одной газете, ссылаясь на достоверные источники, убитого называли Виталием Моисеевичем Ройтманом, отставным полковником тыловой службы, много лет прослужившим в Западной группе войск, с чем и связывалась его смерть, дескать, много знал о беспорядках и хищениях военного имущества, потому и убрали. В другой, опять же из «достоверных источников», утверждали, что имя его – Аркадий Борисович Лоух, человек, имеющий двойное гражданство, бизнесмен, причастный к торговле недвижимостью за рубежом, а в России, на своей родине, он занимался скупкой акций «Газпрома», некоторых нефтяных компаний, а также произведений искусства, разрешенных к вывозу за рубеж. В остальных газетах лишь перепевали подробности этих двух версий, изредка и довольно сдержанно дополняя, что Ройтман-Лоух когда-то работал в Фонде мира, в Министерстве иностранных дел, почему неоднократно включался в правительственные делегации для ведения переговоров с компанией «Де Бирс» о продаже алмазов.

Никто из репортеров упорно не замечал стрелы! Ни в этот день, ни на следующий. И никто не трактовал убийство как загадочное, словно заведомо зная и называя единственную причину – мафиозные разборки. Под эту статью в России можно было упрятать что угодно и тем самым сразу же погасить интерес в обществе, давно привыкшем к стрельбе, трупам, взрывам, к войне за передел государственной собственности. Столь оперативно и четко управлять свободной прессой сам «папа» был просто не в состоянии, ибо занимался иными «государственными» делами; подобные действия под силу были только Колченогому, бывшему идеологу партии, сохранившему не совсем понятное влияние на средства массовой информации. В их единомыслии прослеживалась определенная установка – подчеркнуть уголовный характер преступления, без всяких политических подоплек. И ни одна самая свободная газета не захотела или не посмела ослушаться, должно быть, ясно представляя, что немедленно перекроют кислород.

Обновленный и вечно живой Интернационал существовал в России сам по себе, не желая связываться с властью, однако власть, взращенная на идеях интернационализма прошлых времен, продолжала придерживаться прежних канонов, жила старым жиром и, вероятно, ее теперешние интересы по многим параметрам совпадали с задачами Интернационала. Возможно, поэтому он и не хотел мешать режиму, идущему «верным путем».

Так что наводить прессу на след самого Хозяина было бесполезно, и бессмысленно было ждать «бунта на корабле». Очевидно, скудная и своеобразная газетная информация предназначалась исключительно для Арчеладзе, вдруг восставшего против «отца родного». Колченогий, Комиссар и «папа» отлично знали, кого он пускает в расход и выбрасывает на помойки. И этот Триумvirат сейчас демонстрировал перед полковником свою силу, как бы предупреждая о бесполезности борьбы с ним.

Любая, даже самая мудреная операция Арчеладзе не могла получить публичного резонанса. Полковник не исключал, что сейчас по приказу «папы» Комиссар делает тщательную зачистку малейших следов и косвенных улик, которые бы могли приоткрыть тайну, кто этот человек, хладнокровно расстреливающий из арбалета «легионеров смерти».

В руках полковника еще оставались козыри, но играть ими следовало теперь с великой осторожностью, поскольку «папа» только и ждал, когда горячий и азартный Арчеладзе выбросит все свои карты, особенно ту, где был «черный» список лиц, приговоренных к аресту и заключению в секретный концлагерь.

Пленный миссионер Альфред Каузерлинг ждал своей участи, оставаясь убежденным, что арестован спецслужбами – впрочем, до определенного момента так оно и было.

Арчеладзе беседовал с миссионером только один раз – официальный допрос трижды проводил Воробьев. Арестованный неизменно утверждал, что он производитель полиграфического оборудования, живет в Нижней Кастилии, приехал изучать российский рынок в надежде найти сбыт своей продукции. Поэтому-де ищет влиятельных людей, чтобы заключить сделку не с частными лицами, а с государством. И ему все равно, кто эти люди, какой партии, убеждений и каково их прошлое. В России у него есть единственный знакомый работник МИДа Зямщиц, с которым они встретились несколько лет назад в Мадриде на посольском приеме. Он-то и организовал протекцию и знакомства, преследуя исключительно коммерческие цели.

Легенда у миссионера была отработана и подкреплена многими подробностями и даже вещами, оказавшимися при нем в гостинице: записная книжка, где имелось три десятка телефонов крупных фирм, торгующих полиграфическим оборудованием, запонки и булавки для галстука с символикой собственного предприятия. И можно было не сомневаться, что его предполагаемые российские партнеры получали от него каталоги с рекламой и предложения о сотрудничестве по факсам. Будь это в мирное время, Арчеладзе бы ни в коем случае не стал брать Каузерлинга без тщательных и долгих оперативных мероприятий, но была война, и действовать приходилось в условиях боевой обстановки.

Перед разговором с миссионером полковник заготовил и через Воробьева поместил в рекламные газеты (слава Богу, эти Колченогий под своим контролем не держал!) объявление следующего содержания: «Всемирная ассоциация „За новый мировой порядок“ проводит рекламную распродажу новейшего и оригинального напитка – эликсира любви „Валькирия“. Единственный раз вкусив его, вы навсегда откажетесь от алкоголя и наркотиков. Только в России и нигде больше вы можете приобрести божественную „Валькирию“. Первый в мире производитель эликсира любви – фирма „Валькирия“! Официальный представитель ассоциации, кастильский миссионер Альфред Каузерлинг готов прочитать лекцию о волшебном напитке любовных грез и ответить на все ваши вопросы...»

Далее указывались адрес фирмы «Валькирия» и контактные телефоны.

Как только опубликовали эту рекламу, Арчеладзе явился в камеру миссионера.

– Господин Каузерлинг, российским спецслужбам известно о вас и вашей деятельности если не все, то очень многое, – с порога заявил он. – Ваш знакомый, Зямщиц, давно работает на нас и не случайно сразу же по приезде в Москву привозил вас на дачу к моему руководству, после чего я получил задание арестовать вас. Нет, я не собираюсь вести длинные дискуссии, перевербовывать, убеждать. Вы же человек опытный, искушенный и прекрасно осознаете, что потерпели полный провал. И теперь есть смысл поговорить на другом языке, на языке профессионалов.

– Я вас не понимаю, – без малейшего напряжения проронил кастильский миссионер.

– А напрасно! – пожалел полковник. – Должно быть, вам известно, что случилось в России с вашими предшественниками?

– Не понимаю, о чем вы говорите.

– Хорошо, объясню. Известный вам Джонован Фрич бесследно исчез на территории Северного Урала вместе с вертолетом. Его сын, – Арчеладзе положил фотографии перед Каузерлингом, – оказался, говоря по-русски, молодым балбесом, бабником и очень скоро попал в наши руки. Должно быть, вам известно, какие инквизиторы работают в КГБ? Мальчик сломался после нескольких допросов, и мы его скоро отпустили на волю. А ему тут же надели струну на шею, от гавайской гитары. Видите на снимке?

Он видел, хотя прикидывался, что фотографии его не интересуют. И знаком был с этим способом ритуальной казни, потому что на холеном лице постепенно таял румянец. Возможно, он не знал, что спецслужбам известно о ритуальных убийствах Легионом своих проштрафившихся миссионеров с помощью гитарной струны. И это было немудрено, поскольку об этом знал пока что один Арчеладзе...

Полковник допускал, что из конспиративных соображений каждого нового миссионера не посвящают в перипетии судьбы предыдущего. Так было принято во многих разведках мира, когда по каким-либо причинам меняли резидентов. Не исключено, аналогичное правило существовало и у них. Однако фамилия Фрич ему была не просто знакома, Каузерлинг знал эту семью, ибо вслед за растаявшим румянцем здорового, жизнерадостного человека появилось навязчивое движение глаз – чуть вправо, туда, где веером лежали снимки задушенного Кристофера. Арчеладзе вынул пакетик с нейлоновыми струнами и бросил его на стол с левой стороны от миссионера.

– Видите ли, господин Каузерлинг, – продолжал он, – в России на протяжении многих лет существовал Коминтерн, так сказать, учебник, по которому наши спецслужбы изучали международную деятельность вашей организации, ее цели, задачи, методику работы... Но все меняется в этом мире, время требует развития и усовершенствования, новой символики и ритуалов. Вот и эти струны появились не так давно. Насколько помню, в недалеком прошлом было принято именитым жертвам отсекать головы, не так ли? А еще раньше – травить ядом, использовать кинжал определенной формы...

– Что вы хотите от меня? – заметно взволновался миссионер. – Что вам нужно? Я въехал в вашу страну на законных основаниях, законов не нарушал...

– Да в общем-то лично от вас мне ничего не нужно, – пожал плечами Арчеладзе. – Действительно, нарушений не зафиксировано, и мы вынуждены вас отпустить.

– Отпускайте! В чем же проблемы?

Полковник выложил перед ним газету с объявлением о концерте Кристофера Фрича в Доме культуры завода «Рембыттехника». И сразу отметил: Каузерлинг отлично знал русский язык!

– Я бы отпустил, – с сожалением вымолвил Арчеладзе. – Но в газетах может появиться вот такое объявление... Вам перевести текст?

– Меня это не интересует, – спохватился он и отбросил газету. – Я требую освобождения!

– Ради бога! Ступайте на все четыре стороны. Только есть полная гарантия, что окажетесь в мусорном баке со струной на шее.

– Почему я должен быть... со струной на шее? – возмутился он.

– А потому, что попали в руки иезуитов из КГБ, известного на весь мир своими зверствами при допросах. Ведь так же говорят о нас? Попали в руки и признались во всем. Выдали все свои замыслы, с которыми пожаловали в Россию. Нарушили свои клятвы и обычаи...

– Я не могу выдать того, чего не знаю! За кого вы меня принимаете?

– Как же, господин Каузерлинг? А это что? – Полковник бросил миссионеру несколько рекламных газет с объявлением. – Откуда мне стали известны такие подробности об эликсире любви, о фирме «Валькирия»? Вам нужен перевод? Или справитесь сами?

Он читал быстро, бегло, и потому несколько раз возвращался к началу – не мог что-то уяснить...

– Я... не давал такой рекламы! – наконец сказал миссионер. – Это провокация!

– Абсолютно верно, провокация, – согласился полковник. – Объявление инспирировано российскими спецслужбами... Но откуда мы получили такую информацию? Из какого источника?

Каузерлинг вскинул тяжелые, потемневшие глаза.

– Вы действительно... иезуит!

– А у кого учился? По каким учебникам? – Арчеладзе ухмыльнулся. – Кое-что устарело в них, но принципы – вечны: разделяй и властвуй. Мы унаследовали вашу школу. Конечно, несколько отстали в развитии, не поспеваем за временем, но зато обогатили ее своими, русскими качествами. Например: тяжело в учении – легко в бою, бей врага его же оружием...

– Что вы намерены предпринять? – вдруг успокоившись, спросил Каузерлинг. – Предупреждаю: никаких показаний я не дам!

– А я и не жду! К тому же ничего нового все равно не услышу. Поэтому сейчас вам завяжут глаза, отвезут и отпустят возле гостиницы «Россия». Вас давно ищут по всей Москве, и мое руководство решило вас освободить, пойти навстречу вашим друзьям. Надеюсь, перед ними будете так же откровенны, как и передо мной.

Арчеладзе вручил ему на память рекламные газеты и передал его в руки Воробьева. Прежних возможностей наблюдения за объектом, так чтобы водить круглосуточно и всюду, теперь не было, однако полковник рассчитывал, что с Каузерлингом расправятся быстро – с Фричем долго не канителились, и потому отпустил приманку под присмотром бойцов Кутасова. Он не ждал клева крупной рыбы: если новому миссионеру вынесли смертный приговор, то появится сообщение в газетах об очередном концерте на струнных инструментах, затем придут исполнители – легионеры в кожаных плащах – и хладнокровно задушат жертву. После этого каждый из них должен получить по стреле и отправиться по мусорным контейнерам Москвы.

Интернационал не терпел провалов, тем более не прощал измены и судил своих по малейшему подозрению в прямом или косвенном пособничестве врагу. Коминтерн без колебаний отдавал под сталинский топор на первый взгляд совершенно безвинных людей и организовывал им всеобщую анафему, тогда как иных, наоборот, спасал, и никто не мог этому помешать. Миссионеру Троцкому позволили беспрепятственно выехать из России вместе со всеми архивами и немалыми ценностями. Неуправляемый, хотя и воспитанный на идеях интернационализма, Сталин не посмел помешать ему и в бессилии лишь поливал своего противника грязью. А великий идеолог «перманентной революции» тем временем сеял семена своих идей в Южной Америке, но стоило ему слишком возомнить о себе и отклониться от тогдашнего курса, как тут же получил альпенштоком по голове – в то время еще не давили струнами.

Арчеладзе верил в неотвратимость наказания – иначе бы Интернационал давно раскололся, измельчился на тысячи партий, течений и сект, как бывало со всеми международными либеральными организациями. Однако, похоже, старые учебники не очень-то годились для

нового времени: отпущенный на волю Каузерлинг безбоязненно поселился в той же гостинице и стал приводить себя в порядок после десятидневной отсидки. Тем временем загородную фирму «Валькирия» осаждали в буквальном смысле. Раскаленные от звонков телефоны были отключены, но вокруг стояло около двухсот машин, и это были не просто желающие изведать эликсира любви, а, судя по разговорам и поведению, многочисленные и враждующие между собой бандитские группировки. Получилось так, что эта совместная фирма выпала из их поля зрения, оказалась ничьей, без «крыши», никому не платила дань, – в нынешней России такого не допускалось. Тут же, оценив высоту заборов, систему охраны «бесхозной» «Валькирии», опытный глаз определил, что за всем этим – золотое дно, Клондайк: при нынешней открытости общества нетрудно было навести справки, что здесь еще недавно располагался сверхсекретный Институт, специализирующийся на поисках кладов.

Казалось бы, новому миссионеру не могло быть прощения: трудно, или даже невозможно, было доказать его вину, выдачу секретов той же фирмы «Валькирия», однако сам факт пленения и наделавшая шуму реклама в газетах несомненно компрометировали Каузерлинга, открывали его второе лицо, и, по логике вещей, смертный приговор был неотвратим. Миссионер же преспокойно жил в гостинице, практически без охраны ездил по Москве и налаживал связи с фирмами, торгующими полиграфическим оборудованием. Арчеладзе ни на секунду не сомневался в истинной деятельности гостя из Кастилии, но он сделал для себя неожиданное открытие – матерый, вероятно, проверенный в деле миссионер имел право оставаться живым, даже если прошел через руки спецслужб и был раскрыт. По сравнению с молодым, хотя именитым своим предшественником, он обладал иммунитетом и особыми полномочиями. А через трое суток его пребывания на свободе открылось еще одно обстоятельство, заставившее полковника пересмотреть свои прежние выводы.

Бандитские кланы, собравшись под крепостными стенами «Валькирии», вели себя так, как стая волков над единственным беззащитным ягненком. Они не собирались штурмовать фирму, хотя насмерть перепуганная охрана день и ночь сидела с пулеметами на чердаках и сторожевых вышках; крутые бритоголовые русские мужики с золотыми цепями на крепких шеях угрожали оружием только друг другу, поскольку никак не могли поделить меж собой золотого тельца. Назревала кровопролитная разборка – место в Подмосковье было подходящее для войны, отдаленное и глухое, к тому же милиция к таким крупным тусовкам и на выстрел не приближалась. Паханы, сойдясь на майдане, никак не могли договориться, и обстановка нагревалась с каждым часом. Многочисленные шайки кое-как разобрались по интересам и территориальной принадлежности, таким образом создав две враждующие стороны. Братки уже в открытую разгуливали с автоматами, обряжались в бронежилеты, делились патронами, ручными гранатами, потягивали «смирновскую» и ширялись героином. И вот в самый критический момент, когда схватка казалась неизбежной, в обоих лагерях противников сначала возник глухой и маловразумительный ропот, затем злобное и бессильное недовольство. А через несколько минут братва попрягала оружие, расселась по машинам и, обгоняя друг друга, умчалась в сторону столицы.

Отслеживая ситуацию возле «Валькирии», Воробьев от такого оборота пришел в недоумение – вести радиоперехват он не мог, а создавалось полное впечатление, что паханы противостоящих сторон получили то ли команду по радио, то ли весьма серьезное предупреждение. И в самом деле, спустя полчаса с разных сторон к стенам фирмы «Валькирия» внезапно выдвинулся многочисленный эмвэдэшный спецназ, поддерживаемый БТРами и плотными цепями ОМОНа, а в воздухе начал барражировать «крокодил» – пятнистый военный вертолет с ракетными подвесками. Закованные в броню и сферические каски, вооруженные до зубов бойцы встали под стенами и выставили боевую технику, взяв в кольцо всю территорию фирмы.

Это могло означать, что Великая тройка по собственной инициативе приняла «Валькирию» – фирму Интернационала – под свою «крышу». Триумvirат очень хотел быть нуж-

ным «новому мировому порядку», поскольку тем, кто имел с ним связь, и будет принадлежать власть в России.

И Арчеладзе своим объявлением в рекламной газете невольно способствовал этому.

Следовало полностью менять тактику войны. Либо отказываться от нее вообще. Полковник распорядился продолжать вести наблюдение за Каузерлингом и, не предпринимая больше никаких действий, лечь на дно в «Душегрейке»: такое название база получила из-за того, что в подземельях всегда было прохладно и приходилось зимой и летом носить меховую безрукавку.

Сам же Арчеладзе вышел в город через станцию метро и на городском транспорте поехал к Капитолине, с которой не виделся две последние недели...

В ту памятную ночь, когда Капитолина сбежала с конспиративной квартиры, куда ее определил бывший муж – «папа», Арчеладзе сам встретил ее на подходе к дому и отвез к кинотеатру «Россия», как условились по телефону от имени женщины с вишневыми глазами – Надежды Петровны Грушенковой. От кинотеатра он еще раз позвонил, и ему назвали новое место встречи, на Малой Грузинской. Полковник ожидал, что адресов будет еще несколько: таким образом загадочные «люди из будущего» проверяли его лично и отслеживали, нет ли «хвоста». И надо сказать, использовали методику вполне обыкновенную и устаревшую. Однако на этом все и закончилось, и сама передача Капитолины произошла как-то примитивно: на Малой Грузинской к машине Арчеладзе подошла старушка – эдакий «божий одуванчик» с кошелкой в руке, легонько постучала в стекло:

– От Надежды Петровны ты звонил?

Полковник не ожидал, что все будет так просто, к тому же вспомнил, что не сообщил по телефону ни марку, ни номер машины. И вообще никаких примет!

– Я звонил, – признался он, ощущая непривычное оцепенение.

Старушка открыла дверцу, взяла за руку Капитолину и медленно удалилась за угол дома. Несколько мгновений Арчеладзе сидел в полной растерянности и, опомнившись, побежал к дому, за которым только что скрылись женщины: хотелось сказать какие-то слова, может, попрощаться на всякий случай. Но Капитолина и этот «божий одуванчик» будто испарились! Войти в дом не могли – подъезды с другой стороны, – свернуть в сторону или спрятаться абсолютно негде.

Потрясенный такими обстоятельствами, он около получаса находился в странном состоянии забывчивости, вел машину, как «чайник», и никак не мог вспомнить, куда сейчас надлежит ехать. И когда вернулась привычная ясность ума, он в первую очередь стал звонить по радиотелефону. После третьего гудка ответил прежний женский голос, вежливо-спокойный, почти без интонаций. Арчеладзе, даже не назвав себя, попросил пригласить Капитолину и через несколько секунд услышал ее.

– Тебе там хорошо? – спросил он. – Если не можешь говорить все как есть, говори иносказательно, я пойму.

– Да нет, все хорошо, – чуть ожившим голосом ответила она. – Мне здесь стало легче, я даже смогла поесть...

Содержатель конспиративной квартиры, где прятали Капитолину, вероятно, решил, что заложница «папы» – женщина легкого поведения и с ней можно нескудно проводить время. Она мгновенно сообразила, что это способ вырваться из заточения, подыграла хозяину и увлекла его в ванную комнату. Там уложила здорового охранника в горячую пенную ванну, разделась сама и сунула в воду включенный в сеть фен для сушки волос...

Когда Воробьев добрался-таки до этой квартиры, содержатель был еще теплым, без трупного окоченения.

Ужас от содеянного у Капитолины наступил позже, когда на подходе к дому ее встретил Арчеладзе: сначала была истерика, со слезами и судорожной дрожью, затем – тупое безразличие и бесчувственность. Взгляд остановился, остекленели глаза...

Неизвестно каким образом, но в этом неведомом доме, где был установлен контактный телефон, за полчаса в нее смогли вдохнуть жизнь. Потом он еще несколько раз звонил Капитолине – в «Душегрейке», в этом царстве телефонных кабелей, со связью не было проблем, – она уже казалась ему спокойной и радостной, по крайней мере таким был голос...

На сей раз Арчеладзе вышел из нижнего мира поздним вечером и позвонил Капитолине, надеясь на встречу и хотя бы на одну ночь, проведенную на белом свете.

Ответил уже знакомый женский голос, хозяйка которого узнавала его с первых звуков, так что не было нужды представляться.

– К сожалению, она не может подойти к телефону, – был ответ.

– Почему? – непроизвольно изумился Арчеладзе, ощущая пока еще неясный приступ тоски.

– Капитолина работает, – сообщили ему. – Но расстраиваться не нужно. Она сегодня сама придет.

– Куда – придет?

– Туда, где ты сейчас живешь, – невозмутимо ответила женщина. – Жди ее у себя.

Арчеладзе повесил трубку и некоторое время тупо смотрел на телефон-автомат, пытаясь сообразить, что ему делать и что значит весь этот странный диалог. Звонил он из того же метро, откуда поднялся наверх, и потому, даже не выходя за двери, сбросил жетон и поехал вниз. Вход в нижний мир столицы – один из доброй тысячи – начинался из туннеля метро, и, чтобы добраться к нему, следовало пропустить электричку, спрыгнуть с платформы и бежать в полной темноте четыре с половиной минуты. В дневное время за один бросок сделать это было невозможно, приходилось пропускать встречную, уцепившись за кабели на стене, чтобы не сорвало ветром. И всегда была опасность: машинисты электрички непременно докладывали службе безопасности метро, что в туннеле видели человека. Поэтому надежнее было выходить на белый свет поздно вечером, когда интервал движений увеличивался до пяти минут. Арчеладзе благополучно преодолел дистанцию, открыл магнитной карточкой замок двери, замаскированной под вспомогательный сегмент крепления туннеля, и до того, как впереди вспыхнет свет поезда, успел скрыться от глаз наблюдательных машинистов, часть из которых определенно работали на службу, являясь негласными охранниками подземных коммуникаций.

Около часа ночи в комнате Арчеладзе, больше напоминающей камеру-одиночку, зазвонил телефон, по которому он связывался только с Воробьевым, когда тот работал в городе. Сняв трубку, он услышал голос Капитолины.

– Я знаю, ты звонил, – без всякой подготовки проговорила она. – Через пятьдесят минут я буду у тебя. Со мной придет человек.

– Ты знаешь, где я нахожусь? – не выдержал он, стараясь прорвать пелену то ли своих, то ли ее заблуждений.

– Не знаю... Но меня приведут.

– Добро, буду ждать. – Арчеладзе горько усмехнулся, зная, что и эту ночь придется коротать в нижнем мире на глубине сорока метров.

Ровно через пятьдесят минут он услышал стук в дверь, которая никогда не запиралась, поскольку вела в смежную комнату, где постоянно сидел боец из группы Кутасова, выполняющий обязанности связиста. Полковник толкнул металлическую створку: за порогом стояла Капитолина, а слева от нее мужчина лет пятидесяти, лицо которого показалось знакомым.

Дежурный боец почему-то отсутствовал именно в этот момент...

Капитолина приподнялась на цыпочки и сдержанно поцеловала в щеку.

– Здравствуй... Какая борода отросла! И ты теперь совсем не похож на птицу.

– На какую птицу? – спросил он, чувствуя на себе пронзительный взгляд ее спутника.

– На грифа, – улыбнулась она. – Когда-то я тебя мысленно так и называла – Гриф... А теперь ты похож на льва. Если еще сильнее отрастут волосы – будет грива.

Арчеладзе чувствовал, как ей хочется приласкаться, что она раньше и делала при встречах; теперешняя ее сдержанность была незнакомой.

– Это Сергей Антонович, – представила она спутника. – Благодаря ему я оказалась здесь.

– Вероятно, Сергей Антонович диггер? – пожимая руку, спросил полковник. – Если смог отыскать меня в нижнем мире...

Теперь Арчеладзе был точно уверен, что уже видел этого человека, причем близко, и слышал его голос. Вспомнить, где и при каких обстоятельствах, было делом времени и спокойных размышлений.

– Увы, и даже не спелеолог, – признался гость, предлагая полковнику деловой тон.

С мебелью в подземельях была напряженка, усаживать пришедших приходилось на пустые ящики, застеленные газетами. Дежурный боец заглянул в дверь и вытаращил глаза.

– Да, ты бдительно несешь службу, молодец! – язвительно сказал Арчеладзе. – Продолжай в том же духе.

– Виноват, товарищ полковник, – ошалело вымолвил тот и закрыл дверь.

– Нет, все в порядке, – неожиданно заступился Сергей Антонович. – Убежище у вас пока надежное, и люди на месте, можно не тревожиться.

Полковник смотрел на Капитолину, с непривычной покорностью сидящую напротив, и пытался представить, каким образом они проходили через замаскированные двери с секретными замками и так, что нигде не сработала сигнализация – ни на дальних, ни на ближних подступах. А игрушки там стояли серьезные, японского производства, с блоками автономного питания. Дежурный боец в комнате видел на мониторе каждую проскочившую крысу...

Впрочем, эти ощущения уже были знакомы: точно так же он пытался разгадать, где, в какой части города, находится особняк «человека из будущего», Майкла Приста, когда его привезла туда женщина с вишневыми глазами. Дорога, казалось, вычеркнута из памяти. Или существовала в другом времени и пространстве. Вполне возможно, таким же путем этот человек с соколиным взором привел сейчас Капитолину...

И, кажется, он выполнял роль не только проводника.

– Мне известно, Эдуард Никанорович, ваша борьба – дело чести, – заговорил он, ни на миг не опуская взгляда. – Но должен сказать вам, в таком виде она бессмысленна и даже несет определенный вред.

– Да, у меня появились сомнения, – неожиданно для себя признался Арчеладзе.

– Это естественно, – поддержал Сергей Антонович. – Пять стрел улетели в пустоту. Единственный правильный шаг – освобождение Альфреда Каузерлинга. Я опасался, что и он окажется в мусорном контейнере...

Капитолина подбадривала взглядом Арчеладзе и одновременно выглядела виноватой.

– Пока не вижу иного способа борьбы! – Он встал, повинувшись воле второй своей природы, и таким образом разрушил ход мирной и неторопливой беседы. – Возможно, мои действия не совпадают с вашими... замыслами и вашей тактикой. Но я солдат, а не маг и чародей. Идет война, а на войне задача одна – уничтожить противника. Я увидел его и вошел в боевое соприкосновение.

– Считаете, что уничтоженные вами наемники – истинный противник? – невозмутимо спросил гость.

– Они принадлежат Интернационалу, выполняют его волю. Это «легионеры смерти». И мне все равно, наемники они или идейные.

– Да, все это так. Но то, что вы называете Интернационалом, способно нанять новых, поставить под ружье тысячи легионеров. И в основном это будут славяне, наши соотечествен-

ники. В кого же полетят стрелы?.. Такая война выгодна кощеям, потому что каждая жертва – с той или другой стороны – приносит жертвенную кровь. Увы, Эдуард Никанорович, на этой войне вам придется разбираться и в магии, и в чародействе. Думаю, не в первый раз слышите о сакральной сути человеческой... да и, в общем, всякой крови. И потому своих они душат струной, чтобы не пролить ни капли. Известный вам Кристофер Фрич хоть и был казнен, но казнен как кощей и им остался. – Сергей Антонович что-то вспомнил и невольно сделал паузу. – Таким же способом они казнят гоев, ибо считают, что их священная кровь может разрушить алтарь. Но они торжествуют, когда льется кровь изгоев в междуусобице.

Арчеладзе вдруг ощутил нелепость своего возмущенного и боевого вида перед гостем и сел на свое место, напротив Капитолины.

– То, что вы сказали... мне не совсем понятно, – проговорил он. – Однажды я спросил уже... Кто вы? Спросил у человека по имени Майкл Прист. И ответа определенного не получил. «Люди будущего» – это для меня слишком расплывчато. Я солдат и люблю конкретность. Так кто же вы?.. У меня тысячи вопросов. Но хочу услышать только один вразумительный ответ.

– Что бы я ни сказал сейчас, это не может стать ответом, который удовлетворит вас полностью, – мягко улыбнулся гость, хотя взор его по-прежнему оставался суровым. – Прежде нужно ответить самому себе: кто я? И ответить правдиво.

– Это я уже слышал... И теорию пассионарности Гумилева читал. – Полковник кивнул на книги, лежавшие на раскладной армейской кровати. – Себе я ответил: я – воин. И никогда не смогу стать наемником. Поэтому мне важно знать, кому служить и во имя чего? Будущему России – это слишком неконкретно.

– Понимаю. – Теперь встал гость. – Греет всегда близкий огонь, далекий только светит. Нужна конкретная задача. Хорошо, слушайте. Вам надлежит быть на Балканах. В кратчайший срок и со всей командой. В Боснии существует «зона 0019» – так она означена на картах сил ООН. На вид это просто лесистая гора, господствующая высота, по которой проходит разделительная линия между сербами и хорватами. Около восьми квадратных километров практически пустого пространства. Люди ушли с началом войны, но кое-кто остался. Эту зону следует взять под охрану. Ну? Вопросов прибавилось?

Капитолина смотрела на Арчеладзе так, словно хотела развести руками и сказать – ничего не поделаешь, так все и есть...

– Вопрос всего один, – проговорил он. – Мы думали о России. При чем здесь Балканы?

Сергей Антонович как-то незаметно стал жестким, и тон его голоса сравнялся по строгости и накалу со взглядом.

– Положение России сейчас определяется там. Что станет с Балканами, то и будет со всем славянским миром. На древнем арийском языке Балканы – «Сияющая Власть». Об этой земле слышали древние иудеи, и рожданил Моисей назвал ее Землей обетованной. Он повел евреев искать ее и не нашел, остановился в Опаленном Стане. А оставалось – немного пройти по суше и переплыть Адриатику. Владеющий Балканами владеет волей и духом всего человечества. Думаю, вам ясно, отчего самые страшные войны начинались с покорения Земли Сияющей Власти?

И снова полковник испытал то же неясное чувство, как и тогда, когда он встретился с Майклом Пристом: в сознании на кратчайший миг вспыхнуло неуловимое озарение, вызванное каким-то словом, произнесенным только что. Но каким?.. Этот молниеносный проблеск напоминал фотовспышку в ночное время, после которой обычно становится еще темнее.

– Ну? Ответил я на вопрос – кто мы? – Сергей Антонович сел.

– В какой-то степени да... Когда нужно быть на Балканах?

– Вот это уже голос воина. Я сказал, в кратчайший срок.

– Значит, сейчас, – определился Арчеладзе и взглянул на Капитолину. – Поедешь со мной.

Она посмотрела печально, стиснула губы и отрицательно качнула головой. И этот ее тихий, никому не видимый протест был ярче всяких слов и аргументов...

3

В ту злополучную ночь его разбудил сержант Макнил, которого офицеры батальона избрали «черным вестником» еще в песках Кувейта, и с той поры Джейсон совершенно несправедливо презирал его и опасался. Если этот человек без нервов постучался среди ночи, можно было уже не спрашивать, по какому поводу. Разве что уточнить, кого именно зацепило и до какой степени. Однако Макнил принес на сей раз весть странную.

– Сэр! Из патрулирования зоны не вернулся Питер Уайн, рядовой из штурмовой группы, – безразлично доложил этот «ангел смерти». – Два бывших с ним морских пехотинца утверждают, что Уайн отстал от них всего на четверть мили, собирал цветы. И исчез.

– Что делал? – Джейсон потряс головой.

– Собирал цветы, сэр! Находился в пределах видимости.

– Зачем он собирал эти цветы? Для кого?

– Не знаю, сэр, – с тупой бесстрастностью произнес сержант. – Может, потому, что в зоне очень много цветов.

– Искали?

– Да, сэр. Прочесали весь южный склон через пятнадцать минут. Никаких следов.

– А что говорят французы? – Джейсон Дениз начинал тихо свирепеть от бесстрастности Макнила. Впрочем, сержант, возможно, по-своему переживал случившееся, однако на его иссиня-черном лице Джейсон никогда не мог заметить даже оттенка чувств.

– Французы говорят, если рвал цветы, значит, ушел к женщине. Это логично, сэр.

– Где этот парень мог найти женщину?! Где ты тут видел женщин?

– В хорватском селении, сэр! Там есть существа, напоминающие женщин.

– Вот именно, напоминающие, и только, – проворчал Дениз и стал одеваться. – Штурмовую группу – в ружье. Открыть проход в зону для бронетехники.

– Слушаюсь, сэр! – откозырял сержант.

Время было около трех – самое паскудное время, когда уже невыносимо хочется спать и когда сербские снайперы выходят на ночную охоту. Немцы, которых Дениз сменил два месяца назад, в этой зоне потеряли одного человека, а второго, с пулевым ранением в пах, отправили в Голландию, где, говорят, есть хирург, делающий операции по пересадке гениталий. К немцам у сербов был старый неоплаченный счет, они не давали им тут спокойной жизни, а янки кое-как терпели и совсем не трогали французов. Потому Дениз вначале решил, что этот парень из штурмовой и в самом деле ушел в самовольную отлучку, пробравшись из зоны через минное поле и колючую проволоку. Он выслал на поиски две группы – в зону на бронетранспортере из-за снайперов, в селение на автомобиле, лично возглавив отряд из десяти морских пехотинцев.

На въезде стоял хорватский блок-пост, и офицер, от которого почему-то за километр воняло кошарой, заявил, что не только янки, но и мышь не проскочит сквозь его заставу. Дескать, маловероятно, что исчезнувший боец миротворческих сил ООН сейчас находится в селении, однако пропустил группу без звука, хотя на его физиономии было написано презрение к американцам. Джейсон со своим батальоном сидел в Боснии вторую двухмесячную смену и давно заметил одну странную особенность среди южных славян. Была негласная, но определенная установка командования всячески поддерживать хорватское население, мусульман и их вооруженные силы и, напротив, давить сербов. Однако последние казались более терпимыми к янки, чем все остальные, ради которых был затеян весь сыр-бор и за которых сейчас ломали копыя политики. Разумнее было бы навешать тем и другим, чтобы Европа, наконец, успокоилась на несколько лет. Командир бригады генерал Хардман считал, что более всего следует наказывать как раз хорватов-усташей, поскольку они затеяли свару в Боснии, чтобы взять реванш за поражение в последней войне. Дениз, как профессионал, особенно не вникал в политиче-

ские детали и нюансы, да и верить в выводы Хардмана нужно было с осторожностью – генерал на все имел свою личную точку зрения, чаще всего расходящуюся с официальной. Однако, заметив впервые презрительное отношение к американским солдатам со стороны хорватов, мысленно согласился с командиром: их следовало выпороть еще и потому, что они обожали немцев и прогибались перед ними, как китайские болванчики.

Тут у них в Европе были свои отношения... Поэтому Джейсон, въехав в селение, не особенно-то соблюдал Протокол и для острастки приказал пострелять по черепичным крышам, чтобы уважали морскую пехоту США и не корчили брезгливые рожи. А за побудку, сыгранную таким образом, можно было всегда отбрехаться проверенным не раз доводом: засекли сербского снайпера. В течение часа штурмовая группа, состоящая сплошь из ниггеров, под рев плаксивых безобразных женщин, более напоминающих старух, и, наоборот, полное молчание детей рыскала по селению и его окрестностям. Дениз стоял в кузове грузовика за пулеметом и, еще не веря в трагичность исчезновения парня из штурмовой, вдруг увидел сверху смешное, на что раньше не обращал внимания: голубые каски на черных головах в сумерках напоминали ночные горшки, летающие по воздуху. На всякой войне всегда было так мало смешного...

Но к утру стало не до веселья. Поиск в селении, равно как и в зоне, ничего не дал. Питер Уайн, один из немногих белых в штурмовой группе, будто сквозь землю провалился. И потому Джейсон срочно выехал в штаб группировки миротворческих сил отчитываться перед Хардманом, превратившись в «черного вестника».

Генерал обладал хорошим свойством, редким для командира, но невыгодным для собственной карьеры: он никогда не кричал, не повышал голоса и не грозил немедленной карой. Выслушал, попивая кофе из чайного стакана, раскурил первую в этот день трубку – во всем был оригинал!

– А не мог твой парень... дезертировать? – предложил он неожиданный ход.

О подобных случаях в Боснии Денизу даже слышать не приходилось.

– Исключено, сэр. Я проверил: буквально перед Европой Уайн подписал контракт на второй срок.

– Не спеши, майор, – философски заметил Хардман. – Если морской пехотинец собирает цветы... Это вполне возможно.

– Он проходил тестирование по программе «Д», сэр. Компьютерный анализ ответов превосходный, – выдал последний аргумент в защиту Джейсон.

Генерал добродушно усмехнулся, отложил дымящуюся трубку.

– Ты веришь в эти забавы, Джейсон?.. Куча бездельников из Гарварда жирует на армейских хлебах, не отвечая ни за что. Эти недоучки разбираются в человеческих чувствах? В психологии?.. Да просто кто-то в правительстве лоббирует их «гениальные» проекты. Хороший капрал заменит любой тест.

Марвин Хардман говорил это из ревности, ибо сам был тонким психологом и отличным стратегом, о чем знали все и давно, уже устав пророчить ему большое будущее, особенно после «Бури в пустыне», где отличилась его бригада. Он давно перерос свою должность, однако в министерстве этого упорно не замечали. Джейсон мог лишь догадываться почему: на его взгляд, из-за несколько странных и неожиданных убеждений, которые он не стеснялся высказывать в присутствии подчиненных офицеров. Он был типичным янки и при этом отличался неприкрытым и крайним национализмом. И ладно бы презирал ниггеров, мексиканцев или арабов; генерал не любил немцев, ненавидел итальянцев, всех славян без исключения, японцев и особенно – французов, считая их европейскими евреями, а Францию – рассадником бредовых идей, революций и масонства. Бригада Хардмана часто использовалась в операциях под эгидой ООН, и всякий раз генерал провоцировал междоусобицы, хорошо, если дело кончалось просто дракой... Вот и сейчас он не преминул устроить заварушку с французами. Прогу-

лявшись вдоль командирского стола, Хардман внезапно заявил, опровергая свои собственные доводы:

– Уайн – добропорядочный белый солдат. Нет, дезертирство исключено, ты прав, Джейсон. Остается единственное: парня выкрали французы. Поэтому сделаем так: якобы для проверки таких предположений ты пошлешь к ним своего офицера. И пусть он ведет себя так, как полагается морской пехоте США. Как только начнется конфликт – батальон в распоряжение французов, на бронетехнике. Пусть твои парни разомнутся как следует. А я тут закрою на это глаза. И посмотришь, твой солдат сразу найдется.

Генерал тоже искал на войне развлечений...

– Извините, сэр. Не лучше ли вначале обратиться к французам официально? – попытался увильнуть от рукопашной Дениз. – Наши зоны граничат, работаем в постоянном соприкосновении...

– Не лучше, майор! Не лучше! – вальяжно рассмеялся Хардман. – Знаю я этих евреев. С ними невозможно разговаривать, они непременно вывернутся, выскользнут и первые доложат в объединенный штаб, что у морской пехоты процветает дезертирство. Тактика известна. Но зато перед кулаком они сразу делают в штаны. Выполняй, Джейсон!

– Слушаюсь, сэр, – без энтузиазма отозвался Дениз и поехал в распоряжение батальона.

Конечно, известному в военных кругах НАТО генералу многое прощалось, в том числе и подобные забавы. Хардман намеревался бить французов с единственной и очень важной для него целью: спустя сутки после эксцесса он обязательно поедет в объединенный штаб, разыщет там командира французского контингента миротворческих сил и, потягивая пиво, как бы между прочим, извинится за своих горячих парней и с циничной улыбкой предложит взять под охрану часть их зоны, подменив, таким образом, французских солдат, выбывших после драки из строя.

Он и развлекался оригинально... На сей раз Хардману позабавиться не удалось. Джейсон застал в батальоне тревожный ажиотаж, а дежурный офицер начал докладывать, не дав ему выйти из машины.

– В зоне засекли группу сербов! Ведут беспорядочный огонь из леса со склонов горы Сатвы и брошенного селения. Высланы группа снайперов из четырех пар и два бронетранспортера со штурмовой группой.

– Ты можешь мне вразумительно объяснить, – уподобляясь генералу – его спокойствие произвольно заражало всех, кто с ним говорил, – тихо промолвил Джейсон, – каким образом и когда сербы проникли в разделительную зону, если три часа назад всю территорию прочесали?

– Не могу, сэр, – признался офицер. – Патрульные группы на автомобилях курсируют постоянно, возможен только прорыв...

– А прорыва не было.

– Не было, сэр.

– В таком случае это не группа сербов. – Дениз поймал себя на мысли, что снова и произвольно копирует генерала, теперь его логику.

– Если не сербы, то кто, сэр?

– Французы, – усмехнулся Джейсон и легко запрыгнул на бронетранспортер. – В зону!

А в зоне на самом деле творилось что-то непонятное. Время от времени из леса барабанил пулемет-пулемет «Штайр АУГ», причем куда-то по кронам деревьев – в оптику видна была сбитая листва, и изредка на вершине горы хлопали гранаты из подствольного гранатомета. Стрелявший все время передвигался, и создавалось впечатление, что в зоне орудают два-три человека. Штурмовая группа лежала на земле под прикрытием брони, снайперы скрывались за открытыми дверями – никто не стрелял в ответ, поскольку не видели цели, а поливать склон из пулеметов не имело смысла: загадочный этот серб после каждой очереди менял позицию,

и пехотинцы ждали, когда у него закончатся патроны, чтобы без напряжения и риска взять голыми руками.

Джейсон махнул рукой сержанту Макнилу.

– Как ты считаешь, из какого оружия стреляют? – хладнокровно спросил он.

Сержант дождался очереди, прислушался.

– Кажется, из «штайра», сэр.

– Теперь подумай, у кого в руках может оказаться эта игрушка?

Он думал минуту, поправил на голове «ночной горшок».

– Вся штурмовая вооружена «штайрами», сэр. Но если хотите сказать, что там – Питер Уайн, то это не логично.

– Почему?

– Зачем ему бегать и стрелять? Не вижу смысла.

– А зачем он собирал цветы? В цветах ты видишь смысл?

Макнил подумал еще минуту, согласился:

– Это логично.

– В таком случае пойд и приведи сюда этого парня, – распорядился Дениз.

– Нет проблем, сэр, – мгновенно ответил сержант как настоящий вояка, ибо здесь он мог не думать. Прихватив с собой пару бойких ниггеров, он перебежками достиг леса и надолго упрятался под его непроглядной пеленой.

Скоро бестолковая стрельба прекратилась, но прошло более получаса, прежде чем появился Макнил со своими пехотинцами. Но без Питера Уайна и без кого-либо еще.

– Там никого нет, сэр, – доложил сержант не моргнув глазом.

Генеральское спокойствие оказалось не такой уж прилипчивой штукой. Джейсон почти взревел от негодования, приказав еще раз полностью прочесать зону силами пехотинцев, свободных от службы, причем в пешем порядке. Ясно было: если стрелявший с горы – Питер Уайн, значит, он сошел с ума. И его следует немедленно выловить и эвакуировать, пока об этом не узнали французы.

Вечером поиск пришлось прекратить: уставшие парни валились с ног, а некоторые начали собирать цветочки. На ночь Дениз усилил патрульные группы, а в зону выслал несколько наблюдателей с ночной оптикой. Хардман, выслушав его доклад по радио, невозмутимо заметил, что подобное случается в армии и что это еще одно доказательство полного непрофессионализма армейских психологов.

Наблюдатели засекли Уайна в половине второго, в самое темное время: несчастный спустился с горы в долину и принялся... рвать цветы. Поднятая по тревоге штурмовая группа проникла в зону, прорезав проход в ограждениях, отсекала Питера от леса и стала медленно приближаться, сжимая полукруг. Следовало отрезать его еще и от минного поля вдоль спиралей колючей проволоки. Но несчастный заметил облаву и внезапно бросился бежать в сторону минного поля. Перехватить его уже было невозможно, получилось, что штурмовая сама загнала своего товарища на мины! Приехавший на место происшествия Джейсон видел все сам, наблюдая картину через прибор ночного видения. Несомненно, это был Питер Уайн, только почему-то совершенно голый. Он летел по минному полю, как хороший спринтер, причем вдоль него, вероятно, стараясь обойти левый фланг облавы. В эфире бухтел бас сержанта, управляющего операцией: Макнил гнал парней к подножью горы, чтобы перерезать путь отхода Уайна, однако те, зачарованные бегом своего сумасшедшего товарища, стояли на месте и ждали, когда прогремит взрыв.

Поразительно, но несчастный одолел полукилометровое расстояние и не зацепил ни одной растяжки! Благополучно обойдя штурмовую, он сделал бросок к лесу и скоро там исчез.

Больше Питера Уайна в зоне не видели. Зато через четыре дня начали поступать сообщения от рыщущих по хорватской территории Боснии агентов ЦРУ, что солдаты и местные

жители стали встречать в самых разных местах совершенно голого парня, по внешним данным весьма похожего на пропавшего морского пехотинца. Эти сведения поступали к Хардману через объединенный штаб и, естественно, становились достоянием всех миротворческих сил в Боснии. Несчастному Уайну дали прозвище «Цветочный призрак», и солдатские языки тут же начали складывать о нем всевозможные небылицы и легенды. Хардмана никто пока не задевал, по крайней мере это было незаметно по его виду, однако французы из сопредельной зоны развлекались тем, что при появлении янки кто-нибудь снимал штаны и, зажав ягодицами цветок, поворачивался к морским пехотинцам.

Спустя две недели после этого происшествия сержант Макнил снова постучался к Джейсону, на сей раз под утро, прервав самый сладкий сон.

– Плохие вести, сэр, – доложил он. – Час назад в зоне исчез наблюдатель из группы по борьбе с сербскими снайперами.

Майор Дениз молча швырнул в него баллон дезодоранта. Сержант перехватил его на лету, понюхал, демонстративно сунул себе за пазуху и выпустил большое облако, так что запахло по всей комнате. Задавать лишние вопросы – искали, не искали – было бессмысленно. За фанерной стенкой урчала бронетехника, бегали пехотинцы, поднятые по тревоге.

– Перекрыть всю зону! – приказал Джейсон. – И стоять, пока этот наблюдатель не окажется в смиренной рубашке.

Он представлял, как веселятся французы, но другого выхода не было. Судя по справке, доставленной капралом, пропавший Пол Экстон служил в морской пехоте девятый год, участвовал в операции «Буря в пустыне» и дважды в составе миротворческих сил побывал в Африке. С мозгами у него было все в порядке, этот не пойдет собирать цветы: в колледжах не воспитывался, образование получил в негритянских кварталах.

Батальон сутки простоял на ногах в оцеплении, пролежал в засадах и секретах, а результаты оказались плачевными. Пол Экстон не стрелял, не бегал по зоне и никак себя не обнаруживал до глубокой ночи, пребывая неизвестно где. Ночью наблюдательный пост на вершине горы Сатвы засек его сидящим на высоком дереве: беглец тоже оказался раздетым и безоружным. Высланная штурмовая группа тщательно обследовала территорию, где был замечен «Черный призрак» – как его сразу же окрестили пехотинцы, – и ничего не обнаружила.

К концу целых суток непрерывного поиска пришло сообщение от французов, что в их зоне был замечен чернокожий голый человек, который на заре перешел минное поле и пропал, оставив лишь след на росной траве. При этом ограждение из колючей проволоки, уложенной спиралью в пирамиду, оказалось неповрежденным.

Генерал Хардман на сей раз сам приехал в расположение батальона Дениза.

– Я договорился в объединенном штабе, – невозмутимо сообщил он. – Мы сбегим эту чертову зону французам.

Буквально через десять часов батальон Дениза погрузился и передислоцировался, обосновавшись в сорока километрах от злополучного места. А еще через пару недель, благополучно закончив вахту, Дениз со своим батальоном отбыл в Штаты на отдых, в полной уверенности, что никогда больше не попадет в Боснию.

Отпуск и так был кратким, всего пятнадцать дней, но шесть из них украл Хардман, внезапно вызвав его телеграммой на базу бригады в Форт-Лодердейл. Джейсон отдыхал у родителей в пригороде Сан-Франциско. Они перебрались сюда всего четыре года назад из Мемфиса, переехали по настоянию матери, пожелавшей остаток жизни провести в родных местах и в родном доме, когда-то давно полученном по наследству и долго простоявшем в запустении. Построил его в двадцатых годах прадед Джейсона: по его заказу дом срубили из толстых, до полуметра, стволов красного дерева – секвойи. Огромный, в три этажа и П-образной формы, по архитектуре он напоминал европейскую классику. Два года дом ремонтировали и приво-

дили в порядок, а когда восстановили его первоначальный облик – так захотела мать, – оказалось, что он имеет совершенно другой вид. Это было типичное «дворянское гнездо» средней полосы России: красное крыльцо, портик с белыми колоннами и чистые бревенчатые стены без всякой обшивки.

Мать Джейсона была внучкой белоэмигранта – русского офицера Михаила Москвитина, дворянина из Костромы. Он осел в Сан-Франциско только потому, что здесь была православная община еще первых русских американцев. Отец же был истинным англоамериканцем, предки которого ковбойствовали в северных штатах. Всю жизнь он прослужил в береговой охране и вышел в отставку в звании полковника.

После европейского вояжа покой в обновленном доме напоминал загустевший мед – сладкий и тягучий. Поэтому телеграмма генерала прозвучала как хлесткий ночной выстрел. Джейсон вылетел во Флориду в тот же день, наскоро простившись с домашними и совершенно не подозревая, какая судьба его ждет. Как всегда он готовился к худшему: обстановка в мире в любой момент грозила новой «Бурей».

Хардман сидел в штабе, и по его виду невозможно было понять, какое важное событие произошло, если так экстренно отозвали на базу. Генерал посасывал трубку и блаженствовал под прохладой потолочного вентилятора.

– Ничего не спрашивай, Джейсон, – сразу предупредил он. – Сам в полном неведении. Получил приказ подготовить твой батальон к отправке. А куда?..

– Именно мой?

– Ты же в Боснии контролировал «зону 0019»? У тебя же появлялись там «цветочные» и «черные» призраки.

– Да, сэ,р, но с чем это связано?

Генерал развел руками.

– Так в приказе. Эти склеротики в штабе корпуса даже не удосужились выяснить твою фамилию. А куда – можно лишь догадываться. Посмотри, какие они карты прислали.

На длинном штабном столе, разложенные по порядку, лежали листы русских военных планшетов крымского побережья. Штабные картографы уже поработали: топонимика записана латинским шрифтом, каждый лист запаян в специальную пленку. В названиях городов слышалось что-то знакомое, как детские сказки, – Алушта, Гурзуф, Ялта...

– Это следует понимать как предложение провести остаток отпуска на берегах Черного моря, – усмехнулся Джейсон.

– Возможно и так, – согласился Хардман. – А возможно, придется помочь русским и украинцам разделить Черноморский флот.

– Силами моего батальона?

– Почему нет? – Он ткнул мундштуком в карты. – С моря подпрут турки, с юга зайдут суверенные кавказские государства, а с запада поможет Украина. И куда русским деваться из этой мышеловки?

– Это авантюра, сэ,р! Россия никого в Крым не пустит.

– Кто знает... А если есть договоренности? К тому же Крым – украинская территория. Не хотел бы ты послужить в вооруженных силах Украины?

– Мне это не нравится, сэ,р, – признался Джейсон. – Как только мы сунемся туда, начнется партизанская война, как в Боснии.

– Откровенно сказать, мне тоже, – вздохнул Хардман и ушел под спасительную струю воздуха с потолка. – Ты не знаешь, Джейсон, чем отличаются русские и украинцы?

– Мне трудно ответить, сэ,р.

– Но ты же по матери – славянин?

– Всего на четверть.

– Этого достаточно, чтобы разобраться в славянских проблемах, – заметил генерал. – Думаю, потому и выбор пал на тебя.

– Полагаете, сэр, в штабе помнят о моем происхождении? Если они не запомнили фамилии...

– Резонно.

– Должен признаться, сэр, мне хватило общения со славянами в Боснии, – проговорил Дениз. – Зря мы влезли на Балканы. А если еще встанем между русскими и украинцами, будет новый Вьетнам.

Генерал тихо рассмеялся и погрозил мундштуком трубки.

– Можно сказать, ты специалист по славянским проблемам! Ладно, подождем следующего приказа. Надеюсь, опять что-то напутали наши стратеги.

Он ошибался редко, поскольку отлично знал нравы штабистов. В последний раз Джейсон видел генерала разъяренным перед началом «Бури в пустыне», когда на исходные рубежи согнали такое количество разномастных подразделений и специальных бригад, что хватило бы сил прошагать весь Ирак. Бестолковщина творилась невообразимая: морская пехота просидела в песках на скудном пайке, нещадно мерзла по ночам и сгорала от жары, не имея ни цели, ни конкретной задачи. Сначала все валили на особую секретность операции, потом на опасность ракетных бомбардировок. Наконец, стали гонять бригаду с места на место, пока не объявили, что Хардман со своей командой и вовсе не нужен в Персидском заливе. На деле же получилось, что весь удар войск Хусейна, уходящих из Кувейта, пришелся по бригаде морской пехоты. Тех самых войск, которых, по расчетам штабистов, уже не существовало на свете после коврового бомбометания.

А жрецы с телеэкранов, успокаивая нацию, вещали о блестящей молниеносной операции возмездия, втрое уменьшив число убитых, раненых и вообще забыв о тринадцати солдатах, без вести пропавших в песках.

Не ошибся Хардман и в этот раз. Через час на базу прилетел вертолет с фельдъегерем из штаба. Тот схватил карты Крымского полуострова, как хватают печеный картофель из огня, а взамен оставил другой пакет, со знакомыми планшетами – Балканского полуострова. Подобная маленькая неточность была в пределах допустимого: на штабных столах проигрывалось столько операций, где фигурировали острова, полуострова, каналы и проливы, что спутать Крымский полуостров с Балканским было немудрено.

Вечером батальон Дениза загрузился в «боинг» и улетел в Боснию, единственный из всей бригады и без всякой поддержки в штабе миротворческих сил ООН, поскольку влиятельный Хардман оставался во Флориде.

Это был рок или чья-то злая воля: Джейсон обязан был заменить французов в печально знакомой разделительной «зоне 0019». Но прежде его взяли в оборот чины из ЦРУ, отличающиеся беспардонностью в общении со своими. Плели черт-те что, обвиняя Дениза в халатности, и не желали слушать никаких аргументов в оправдание. Должно быть, мастера тайных дел хотели списать исчезнувших пехотинцев на сербских снайперов, что было проще и легче, чем попытаться объяснить неожиданное сумасшествие. Уайн и Экстон, эти два призрака, перестали показываться хорватскому населению и, кажется, убрались из Боснии без всяких следов. Едва отвязались цэрэушники, как зачастили с визитами предупредительные офицеры из службы безопасности ООН. Оказалось, что французы за месяц работы в зоне потеряли четырех человек! По официальной версии все они были похищены сербским спецназом, каким-то невероятным образом проникающим в зону. Ооновцам тоже не хотелось разбираться в деталях событий, происходящих в районе горы Сатвы, хотя в их руках оказался один из потерпевших «лягушатников», захваченный сонным на альпийских лугах. Несчастный «миротворец», по осторожному мнению ооновцев, находился в глубокой депрессии.

Чтобы побеседовать с ним, Джейсону пришлось добраться до объединенного штаба: везде почему-то ставили рогатки, помогло лишь имя генерала Хардмана.

Француз был не в депрессии, а напрочь лишен рассудка. Это состояние можно было назвать крайней степенью восторга, когда жизнерадостность и веселость человека становятся маниакальными. Не было никаких признаков подавленности психики. Он улыбался, как ребенок, и умилялся всему, что видел.

– Что с тобой произошло? – мягко спросил Дениз. – Ты помнишь, что случилось?

– Ничего! – засмеялся солдат-«лягушатник», будто нашпигованный наркотиком. – Вечером воздух летит в гору, а утром – с горы! И это так прекрасно!

– Летящий воздух – это ветер?

– Нет, ветер бывает в долине и только в полдень, когда пролетают ласточки.

– Скажи мне, ты знаешь, кто ты? – поинтересовался Джейсон, ощутив, что от его веселости сам начинает беспричинно улыбаться.

– Не знаю! – восхищенно ответил француз.

Дениз принес зеркало и поставил перед ним на стол.

– Ты когда-нибудь видел этого человека?

«Лягушатник» пришел в восторг.

– Нет! Но он счастливый! Посмотрите, как смеется!

– А как можно стать счастливым?

– Это удача! Как игра в рулетку! И от тебя ничего не зависит.

– Значит, тебе повезло? – Джейсон уже сидел, оскалившись, и никак не мог сжать губы.

– Повезло! – Он озирался и зажимал себе рот. – Повезло!.. Ко мне явился ангел! Спустился с неба! И коснулся головы. Вот здесь! И сказал: брось оружие, сними одежду и иди за мной! И я пошел.

– И сейчас идешь за ним?

– Да! Вот он, передо мной! – «Лягушатник» показал куда-то в потолок над головой Дениза, помахал рукой. – Я сейчас! Сейчас, только поговорю с этим человеком!

Джейсон непроизвольно посмотрел в потолок – белая пластмасса отливала небесной синевой, на лице смеркалось.

– Я не счастливый, – признался он. – Не вижу ангела... Скажи, как он выглядит?

– Как? – благоговейно заулыбался солдат. – Не так, как рисуют в книжках. Он совсем не похож на розового мальчика, и нет крыльев. Он как воздух. Вечером летит в гору, а утром – с горы!

– Можешь показать место, где спустился ангел?

– Не помню! – изумился он, на мгновение будто бы задумавшись.

Встреча происходила в полевом госпитале, и блаженного уводили санитары, потому что опасались побега: по их свидетельству, он мог в любой момент встать и пойти, якобы потому, что его зовет ангел. Проводив француза, Джейсон некоторое время сидел в одиночестве, стараясь привести себя в порядок, но когда взглянул в зеркало, показалось, что все еще улыбается. Возможно, он и в самом деле пообщался со счастливым человеком.

Батальон занял все свои прежние помещения на разбитой фармацевтической фабрике. Все тут было знакомо, за исключением запаха: после французов остался стойкий дух туалетной воды, будто жили здесь не солдаты, воняющие потом и ружейным маслом, а женщины из дешевого публичного дома. Подобная ассоциация возникала еще и потому, что стены в казармах были сплошь оклеены обнаженными красотками и сценами из порнофильмов. То же самое оказалось и в комнате Дениза. Сказать, что «лягушатники» придерживались католического аскетизма, было невозможно. Да и очарованный ангелом француз, по свидетельству ооновцев, не был верующим...

В тот же день, утверждая наряды на ночное патрулирование зоны, Джейсон вычеркнул сержанта Макнила и вписал себя.

Во Флориде была жара, а на Балканах шли холодные осенние дожди, лес на склонах Сатвы оголился и теперь стоял прозрачный, видимый насквозь, так что тренированный глаз засекал самое легкое движение: земля, устланная золотистой листвой, светилась даже в темноте. Дениз на этот новый срок отменил строенный патруль и – благо, что сам хозяин, – сделал парный, чтобы каждый пехотинец мог постоянно наблюдать за своим товарищем, ни на секунду не теряя его из виду. Так что вышли в зону вдвоем с капралом Эрни Флейшером и через полчаса угодили под начавшийся дождь. Промокли сразу, хотя и оделись в плотный нейлоновый камуфляж осенней расцветки. Погода явно была нелетная ни для самолетов, ни для ангелов. Конечно, в такую сырость лучше передвигаться на бронетехнике, да из стальной тесноты ничего не увидишь, а требовалась настоящая охота со всеми правилами маскировки и выслеживания добычи.

Джейсон выбрал себе специальный маршрут, наискось перерезающий альпийские луга, где давно отцвели цветы, и гору Сатву – места, где происходили исчезновения «миротворцев». Миновав открытые участки, он пожалел, что замахнулся на большое расстояние: у подножья горы вдруг начался сильный ветер, и промокшая одежда выхолодилась до самого тела. Дениз забрался между высоких глыб на склоне, глотнул из фляжки рома и закурил. А капрал отчего-то стал проявлять беспокойство, словно собака, почувствовавшая близость зверя.

– Не нравится мне здесь, – озирая голый лес через ночную оптику, проговорил он. – Все время чудится, кто-то наблюдает за нами.

После того как в «зоне 0019» шестеро «миротворцев» вдруг скинули одежду, бросили оружие – которого, кстати, не нашли, – и отправились гулять очарованными призраками, состояние капрала было вполне объяснимо.

– Это ангелы, капрал, – пошутил Дениз. – У каждого морского пехотинца есть по одному небесному существу. Только у генерала Хардмана – два.

Эрни Флейшер не принял юмора, оторвал прибор от глаз и спрятал в футляр.

– И ветер здесь... странный.

Джейсон машинально замер, спросил осторожно:

– В чем странность, Эрни?

– Смотрите, сэр. Он дует снизу вверх. Чувствуете движение воздуха?

Дениз сотни раз бывал во всяких горах, но почему-то никогда не обращал внимания, как там дует ветер. По логике, вроде бы так и должно быть – вдоль поверхности земли... И все-таки в замечании капрала скрывалась какая-то несообразность. Почему он обратил внимание на ветер? Ведь не слышал же капрал рассказов очарованного француза?..

– Вперед! – скомандовал Джейсон и без всякой маскировки направился вдоль подножия, огибая гору и таким образом отклоняясь от маршрута. Через каждые десять минут он молча останавливался, определял направление ветра и шел дальше. Спустя полтора часа они оказались с восточной стороны Сатвы.

– Эрни, – тихо позвал он. – Скажи, а теперь куда дует ветер?

Капрал повертел головой, улавливая воздушные струи лицом, указал рукой.

– Ветер дует в гору, сэр.

– А теперь подумай: мы были на юге – ветер дул в гору. И на востоке тоже в гору. Разве бывает так?

Флейшер молчал, но не оттого, что был тугодумом. Снял каску, достал из-под амортизатора сигареты и закурил. Его волнение выдавалось частыми и глубокими затяжками.

– Может, крутит в горах? – наконец предположил он. – Такое бывает.

Джейсон позволил ему докурить сигарету и повел дальше. К северному склону, где проходила граница разделительной зоны, выстроенная из спиральной колючей проволоки и минного поля. Дальше была уже сербская территория...

Двигаться пришлось по лесу, заваленному скользкими камнями, присыпанными листвой, а когда приблизились к границе, стали карабкаться вверх по склону, чтобы в темноте не влететь на минное поле, отмеченное знаками, но тоже замеченное листьями. Северная сторона считалась самым опасным участком зоны, поскольку отлично просматривалась и часто простреливалась сербскими снайперами. Летом, в сухую погоду, сюда загоняли два бронетранспортера и держали круглосуточные посты наблюдения и подавления огневых точек. Сейчас сюда могла заползти только гусеничная техника, и потому пехотинцы сидели в укрытиях, сложенных из камней и земли. Капрал связался с постами по радио, назвал пароль и примерный маршрут движения, чтобы не смущать парней и не выдергивать их попусту с насиженных и относительно сухих мест.

С северной стороны Сатвы ветер тоже тянул строго к вершине горы.

Капрал опять помолчал, счищая липкую глину с ботинок, и предположил совсем уж неуверенно:

– А что, если ветер изменил направление? Пока мы шли...

Ему можно было не отвечать, поэтому Джейсон отхлебнул рома, сунул в рот жвачку и взял направление к вершине. Тем временем восток уже начинал светлеть, а ветер все еще подталкивал в спину, и чем выше поднимались, тем сильнее становился воздушный поток. Хорошо, что дождь кончился...

Вершина Сатвы была почти голая и сплошь изрыта полуосыпавшимися старыми и новыми земляными укреплениями и ходами сообщений. На господствующей высоте во всех происходивших здесь войнах стояла артиллерия. Во время недавнего конфликта сербы умудрились загнать сюда два тяжелых танка и врыли их ближе к южному склону, чтобы вести огонь по хорватским позициям и селениям. Выбить с горы их так и не удалось, поэтому позицию накрыли ракетным ударом с воздуха, подняв для этой цели четыре «Миража». Перевернутые танки сейчас ржавели под дождями и светились во тьме красноватым, червонным золотом.

Обезображенная каменистая земля на вершине была густо наспигована противопехотными минами всевозможных типов, от прыгающих «лягушек» до шариковых, называемых в просторечии саперными пулеметами. После развода конфликтующих сторон сербы еще пару месяцев каким-то образом пробирались на вершину и вели снайперский огонь по хорватам, ибо сама гора и несколько поселений с южной ее стороны всегда принадлежали боснийским сербам. Они влезли сюда и после минирования, так что двое храбрецов остались лежать возле неглубоких черных воронок, и немцы, в то время охранявшие зону, не стали вытаскивать убитых, оставив в назидание всем, кто захочет сунуться на Сатву.

И пролежали они здесь меньше суток, до темноты следующей ночи, а потом исчезли. Тогда этому не придали особого значения, посчитав, что упрямые сербы пробрались на вершину и унесли трупы. Через посты, минные поля и спирали колючей проволоки, высотой до двух метров...

Джейсон выбрался на гору, когда половина неба, покрытая рваными тучами, налилась синеватым, свинцовым светом.

Ветер остался за спиной!

Он трижды спускался с вершины вниз метров на сто и трижды, снова поднимаясь, улавливал границу ветра: скользнув по крутому склону, он уносился ввысь, а изрытая голая площадка, величиной в четыре футбольных поля, оставалась в полном покое, и в неподвижном воздухе дым от сигареты тянулся вверх чуть извилистой и бесконечной струйкой...

Чувствуя озноб, теперь уже не от холодного ветра, Дениз приблизился к краю минного поля и сел на вывороченный камень, от которого бежала по земле едва заметная проволочная

растяжка. И ощутил, что и сам внутренне как бы натянулся, напрягся и замер в таком состоянии, ожидая то ли счастья, то ли внезапного взрыва. В тот миг он еще не видел, что его напарник Эрни Флейшер, сбросив на землю амуницию, стаскивает с себя одежду...

4

Мамонт протянул руки к огню, от пахнувшего жара мгновенно оттаяли заиндеветшие ресницы, изморозь превратилась в слезы.

Он был в ловушке, прилетел, как мотылек на свет, и сопротивление сейчас было невозможно, хотя в кармане фуфайки лежал пистолет. Оценка ситуации длилась мгновение, ровно столько времени потребовалось и непрошеным гостям, принесшим огонь.

– Здравствуйте, Мамонт, – прервал паузу человек в горных защитных очках. – Кажется, вы оказались в трудном положении?

– Да, – просто и сразу ответил он. – С кем имею честь?..

– Мы ваши друзья. – Незнакомец вынул из кармана вещмешка термос, неторопливо налил в крышку бурого, парящего напитка, подал Мамонту. – Возьмите, это полезно и вкусно... Вам нечего опасаться, мы ваши друзья. Называйте меня Тойё.

Мамонт взял металлический стаканчик, поблагодарил и отхлебнул напиток – скорее всего отвар чаги с добавлением женьшеневой водки.

– Снимите очки, – попросил он.

Тойё сдвинул на лоб очки, обнажив по-восточному припухлые веки и седеющие брови. Этот человек назвался мансийским именем, хотя внешне был мало похож на местного жителя. В тех всегда ясно просматривались тюркские черты, этот определенно относился к желтой расе, и в речи его улавливался едва слышимый акцент – многоударность, характерная для японцев, говорящих на русском. А ханты и манси, живущие среди русских, говорили без акцента.

– Спасибо. – Мамонт вернул стаканчик. – Не подозревал, что у меня есть друзья в этом районе. Тем более вооруженные и экипированные, как спецназ.

– Это продиктовано необходимостью, – улыбнулся Тойё. – В горах остались люди генерала Тарасова, кстати сказать, вашего врага, Мамонт. Вы тоже не расстаетесь с оружием.

– В прошлом я человек военный, как вам известно. – Те трое не принимали участия в разговоре и стояли с отрешенным видом. – Привык.

– А мы охотники, – почти мгновенно парировал Тойё. – С детства приучены к оружию.

Этот «охотник» наверняка имел минимум два высших образования: Токийский университет, например, и какой-нибудь гуманитарный факультет МГУ.

– На какого зверя сейчас открыта охота? – будто между прочим спросил Мамонт, однако Тойё намек понял.

– На крупного, – сказал с холодной улыбкой. – Которого берут загоном.

– А калибр не маловат? Пистолет-пулемет годится для развлекательной охоты, где-нибудь в национальном парке...

– Нет, в самый раз. Об этом мы непременно побеседуем еще, Мамонт, за дружеским столом, в теплом доме, – пообещал «охотник». – У вас в берлоге девушка. Она зябнет без огня и пищи. Кстати сказать, вы тоже удачливый охотник, но сырое мясо даже мы давно перестали есть. Не пора ли нам всем отправиться в дорогу?

– Позвольте спросить, Тойё, а далека ли дорога?

– Совсем нет! – охотно и гостеприимно заверил он. – Три километра вниз пешком, а там к вашим услугам снегоход «Буран» с нартами и оленьей полостью. Через два часа мы сможем сесть за стол в жарко натопленном деревянном чуме. Если будет желание, можно принять ванну на горячем источнике. У вашей девушки сильно обморожены ноги.

– Желание будет, – согласился Мамонт.

– В таком случае нам нужно идти, пока не стемнело, – деловито сказал Тойё. – Зимний день короток...

Он что-то сказал своим товарищам, обронил одно слово на каком-то языке, и те с армейской готовностью направились к берлоге по набитой Мамонтом тропе. Сразу же закралось подозрение, что остальные «охотники» не говорят и не понимают по-русски.

Возле берлоги на валежине сидела Инга, обряженная в камуфлированный меховой бушлат, а еще один «охотник» в толстом свитере выносил из логова мясо и развешивал его на жердь, по-хозяйски закрепленную между двух елей.

– Мамонт! – обрадованно позвала Инга, вскочила и, морщась от боли, села. – Мамонт!.. Пришли какие-то люди, объяснили, что друзья...

– Да, это наши друзья, – поспешил заверить он. – Сейчас мы поедем в гости. Там тепло, есть пища и даже горячий источник.

Она облегченно вздохнула и неожиданно улыбнулась:

– Я так напугалась. Тебя нет...

– Теперь все будет хорошо!

Должно быть, эта команда и в самом деле занималась промыслом зверя: развешенное мясо накрыли шкурой, мездрой кверху, чтобы птицы склевали остатки жира и мясную обрезь, края стянули шпагатом от мелких зверей. Так делали промысловики, оставляя добычу на ночь в тайге, чтобы вывезти ее утром. Затем они расстелили брезент, еще один «охотник» снял с себя бушлат.

– Девушку придется нести на руках, – сказал Тойё. – Думаю, ей даже будет приятно.

– Да, разумеется, – согласился Мамонт, подхватил Ингу на руки и уложил на брезент. Вторым бушлатом обернул ноги. Четверо взяли брезент за углы и тренированно, словно всю жизнь таскали раненых, понесли вниз по склону. Тойё и Мамонт пошли сзади.

Странное дело, они не разоружали его, хотя точно знали, что пистолет в правом кармане фуфайки: Мамонт несколько раз перехватывал взгляды, сосредоточенные на отвисшем кармане. У тех, кто нес сейчас Ингу, руки были заняты, и «кедры» болтались за спинами. Тойё хоть и шел за Мамонтом, однако тоже без заметного проявления бдительности. В любой момент можно было замедлить шаг, сблизиться с ним, потом локтем в лицо, пистолет в руку... Мысль эта начала было уже вызревать и оформляться – только не нужно спешить, пройти с километр, дать им привыкнуть к движению, а самому разогреться, чтобы заработали скованные холодом мышцы и не дрогнула рука. Инга в брезентовом гамаке может стать заложницей, если он промахнется и не свалит всех за три секунды. Бить сначала тех, у кого короткие пистолеты-пулеметы; снайпер не успеет снять винтовку...

Замысел почти созрел, однако Мамонт неожиданно услышал за спиной негромкое бухтенье и краем глаза уловил, как Тойё говорит с кем-то по радиации, прижав к горлу ободок авиационных ларингофонов.

Значит, там, впереди, у снегохода есть еще его люди. И вполне возможно, что их путь кто-нибудь прикрывает, двигаясь незаметно сбоку или сзади. Иначе бы не вели себя так раскованно...

«Бураны» не могли подняться в гору по рыхлому снегу и потому ждали внизу. Два так же экипированных «охотника» стояли в ожидании возле трех снегоходов, изрядно продрогшие, краснолицые и оттого напоминающие североамериканских индейцев. При появлении своих они стали выбрасывать на снег лыжи из дюралевых нарт, один что-то крикнул, возможно, на языке хантов, ибо слышался знакомый угро-финский корень слова «охота». Возможно, поздравил товарищей с удачной добычей, потому что остальные засмеялись.

– Я не знаю вашего языка, – сказал Мамонт, сблизившись с Тойё.

Он мгновенно понял намек и произнес короткую, выразительную фразу-запрет. Его люди тут же примолкли, засуетились возле машин. В нарте и на самом деле оказалась оленья полость в виде широкого полуоткрытого спального мешка. «Охотники» бережно уложили в нее Ингу, затем Тойё предложил Мамонту забраться в нарты рядом с ней – заметил по пути его хромоту.

Остальные встали на лыжи и взялись за веревку, привязанную ко второму «Бурану». Запустили моторы только два снегохода; третий оставался на месте, поджидал еще кого-то, кто должен выйти из леса. Значит, страховка передвижения была...

Судя по основательности и организованности, это были профессионалы, привыкшие действовать группой в сложных горно-таежных условиях. И дисциплина была, надо сказать, железная, по-восточному беспрекословная.

Нарты летели по снегу, как лодка, изредка встряхиваясь на валежинах и кочках, словно на волнах. Мамонт обнял Ингу, приблизившись к уху: теперь есть возможность сказать ей все.

– Слушай меня и запоминай, – проговорил он вполголоса. – Эти люди – наши враги. Пока я не знаю, кто они и откуда, но враги. Сейчас мы у них в плену.

– В плену? – изумилась она. – Почему же мы сдались в плен? Ведь сдались!

– Тише!.. Считай, что не сдались, а пошли в разведку. Такой команды я еще не встречал на Урале. Что-то новенькое. Раньше тут бродила банда Тарасова. Эти покруче, хорошая организация... На нас охотились, наблюдали. Вырваться сейчас нет возможности.

– Что им нужно?

– Вот и узнаем – что? Я догадываюсь, чего они хотят. Ищут то, что и мы искали: вход в соляные копи.

– Зачем? Зачем... Я не верю в сказки. И ты не обманывай меня, Хозяйки Медной горы нет! И Данилы нет... Так что же они ищут?

– Сокровища Валькирии.

– Ты сумасшедший, Мамонт! Ты намного старше меня, а веришь... в какие-то сокровища.

Он погладил ее обмороженную и теперь шелушащуюся кожу на щеке.

– Я их видел, Инга. Держал в руках... Если я обманываю тебя, если рассказываю сказки – подумай, зачем еще могли прийти в горы эти люди? Хорошо, я сумасшедший. Но можно ли их назвать сумасшедшими?

Она минуту лежала с немигающим взором: в зеницах, как в зеркале, отражались вершины бегущих деревьев.

– Нет... они разумные люди. И очень практичные.

– Но пришли сюда, чтобы охотиться за нами.

Инга снова замолчала, наблюдая за пляшущими деревьями.

– Ты хотел сказать... как я должна вести себя с ними, да?

– Запомни: ты не знаешь ничего. Ты просто заблудилась в горах, а я тебя нашел. Ведь это так?

– Да... Ты меня нашел.

– Нашел, но ты испугалась меня. Потому что поняла – я сумасшедший. Мамонт – больной человек, у него помутился рассудок. Ведь ты так считаешь?

– Не знаю теперь...

– Знаешь! Мамонт – безумец, помешался на каких-то сокровищах, – он уже внушал ей это. – И ты не знала, как от меня отвязаться. И ты благодарна этим людям. Они тебя избавили от Мамонта и спасли жизнь.

– А это – зачем? – вдруг испугалась она.

– Затем, чтобы они не держали тебя как заложницу! – жестко произнес он. – Чтобы знали: ты меня ненавидишь и боишься, но вынуждена была держаться за меня, потому что заблудилась и пропала бы одна в зимних горах. И что я тебя тоже ненавижу, что ты для меня – обуза, помеха. Я тебя несколько раз бросал, пытался убежать, но ты находила по следам.

– Этого не было! – возмутилась Инга.

– Было! Я хотел бросить тебя... И сейчас хотел уйти и оставить в берлоге. Но пришли эти люди.

– Опять меня обманываешь?

– Нет, правда, хотел. Ты же мне как камень на шее! Черт тебя принес на мою голову.

Инга отодвинулась, взглянула с недоверием и надеждой – он лишь молча утвердительно покивал головой.

– Понимаю... А кто это – Валькирия?

– Моя возлюбленная. Дева, богиня подземного царства. К ней мы и искали дорогу.

– Она красивая?

– Прекрасная, – мечтательно проговорил Мамонт. – Она же – богиня! Белые одежды и волосы на ветру... Волосы Валькирии!

Инга замолчала, и взгляд ее стал льдистым, в синих глазах отражалась узорчатая изморозь, свисающая с берез. Снежная пыль из-под гусениц снегохода иногда порошила ей в лицо – она вдруг перестала замечать это. Мамонт протянул руку, чтобы смахнуть снежинки, Инга резко отвернулась, спрятав голову в край оленьей полости.

Сначала из-за леса показался столб дыма, белесыми клубами уходящий высоко в небо и образующий там плоское облако, затем все исчезло за холмом, и через несколько минут «Буря» выскочил на торный след, ведущий к незамерзающей речке. На берегу стояли два побуревших от времени рубленых дома, а чуть ниже, у воды, новый сруб с широкой деревянной трубой на крыше, откуда валил густой столб пара, принятый Мамонтом за дым. Снегоход остановился у дома, и со двора выскочили четыре лайки, тут же окружившие нарты. Собаки обнюхивали чужих и миролюбиво виляли тугими кольцами хвостов. Тойё гостеприимно пригласил в дом, и Мамонт, подхватив Ингу на руки, понес было ее к крыльцу, однако она выкрутилась, вырвалась и, сбросив с ног одеяло и шапку, пошла по снегу в носках. Шла как по стеклу, хватая руками воздух, возле крыльца качнулась – Мамонт успел подхватить и насильно уже втопил Ингу в дом. Сразу пахнуло жаром от русской печи, свежеспеченным хлебом и тонким, но пронзительным запахом, никак не сообразуемым с русской избой – запахом благовоний. На столе, укрепленные в подсвечнике, курились три тонкие палочки.

– Это ваш дом, Мамонт! – весело сообщил Тойё и, сунувшись за перегородку, вывел за руку молодую восточную женщину, национальность которой невозможно было определить ни по облику, ни по одежде.

– А это – Айога, ваша служанка, – добавил он, поднимая пальцем покорно опущенную голову. – Сегодня приводите себя в порядок, отдыхайте. Завтра увидимся.

Хозяин оказался ненавязчивым и на первый взгляд ненапористым человеком. Как только он покинул дом, служанка мгновенно ожила, радостно улыбнувшись.

– Прошу, снимайте одежду, располагайтесь, – по-русски говорила безупречно. – Здесь все для вас.

Мамонт потянул было фуфайку с плеч и ощутил тяжесть пистолета в кармане: повесишь на вешалку – может тут же пропасть. Лучше спрятать...

– Тойё рекомендовал нам горячий источник, – сказал он. – Мы бы воспользовались случаем...

– Да, пожалуйста! – воскликнула Айога. – Я возьму чистую одежду и отведу вас на воды. Она бросилась к шкафу, вынула аккуратные пачки белья, выбрала нужное.

– А какие воды в вашем источнике? – деловито спросил Мамонт, наблюдая за служанкой.

– Радоновые, – охотно пояснила она. – Но очень слабые и безопасные. Температура – до семидесяти градусов... Вас не смутит, если я дам простые полотняные рубашки?

– Прекрасно, – будто бы обрадовался он и, нащупав руку Инги, сжал ладонь, она повела глазами – независимый и бесстрастный взгляд...

Должно быть, когда-то на берегу речки нефтяники пробурили скважину, а вместо черного золота ударил фонтан горячей воды. В полу посреди бани торчала толстая обсадная труба, из которой изливался мощный полуметровый столб воды, распадаясь в сверкающий гриб.

Вокруг было устроено деревянное сооружение, напоминающее восьмиугольный бассейн. Стекающая вода с его бортов падала на решетчатый пол и убегала в речку. В самой бане было светло – горела лампочка в толстом плафоне, а густой пар возникал вверху, где-то над крышей, и уносился в небо, как инверсионный след от самолета. Мамонт рассчитывал, что служанка оставит их и можно будет надежно спрятать пистолет, однако покорная и предупредительная восточная женщина, почти не поднимающая глаз выше бороды Мамонта, оказалась без всяких предрассудков и к тому же всевидящей. Стоило ему чем-то заинтересоваться, как она тут же принималась давать объяснения. Похоже, она больше служила Тойё, чем прислуживала гостям.

Айюга сбросила с себя одежду – в бане было жарко и влажно, и стала придвигать чисто отскобленные лавки под изливающийся из бассейна поток.

– Прошу вас, раздевайтесь! Вам помочь?

Мамонт снял с Инги верхнюю одежду, стащил свитер – она только блистала глазами, но едва прикоснулся к брюкам, ударила по рукам.

– Я сама! Не трогай меня! Отойди!

– С удовольствием, – буркнул Мамонт и ушел в другой угол.

Инга, лежа на лавке, пыталась снять тесные брюки, но пальцы с полопавшимися пузырями не слушались, а распухшие ноги уже не проходили в штанины. Айюга все это видела, но бросилась на помощь не сразу. Пока она разрезала ножом джинсы и осторожно высвобождала из них строптивую спутницу, Мамонт разделся и между делом подыскал место для пистолета – под нижним венцом, куда убегала вода: всегда можно достать с улицы. Когда служанка понесла Ингу под поток воды, Мамонт спрятал оружие и с удовольствием лег на лавку. Казалось, на спину полился расплавленный свинец, огнем загорелись обмороженные ступни и особенно пальцы на ногах. Он стиснул зубы, положил голову так, чтобы не заливало лицо, и через несколько минут ощутил неодолимую дремоту. Палящий каскад придавливал к скамейке, жжение от ног бежало по всему телу и доставало мозга, а он засыпал и вздрагивал, на какое-то время утрачивая реальность. Айюга хлопотала возле Инги, бережно намыливала, терла ее мочалкой, обмывая под потоком, и что-то говорила при этом, будто увещевала. И Инга отвечала ей, но о чем шла беседа, из-за шума воды было не разобрать.

Эти «охотники» на крупного зверя стелили слишком мягко...

В момент короткого, минутного сна он неожиданно вспомнил, а точнее, как бы услышал Стратига:

– Запад не опасен, Мамонт!.. Опасен непредсказуемый Восток. Россия не защищена с Востока, ибо там восходит солнце...

Сон слетел мгновенно! Мамонт сел, ощутив, как быстро и до отказа заводится внутренняя пружина. Запад был и есть на Урале в виде совместной фирмы «Валькирия», руководимой шведами. Теперь пришел и Восток...

Это не просто банда, типа взбунтовавшегося генерала Тарасова, действующего хоть и профессионально, однако слишком грубо в старании добиться скорого результата. Восток пришел сюда основательно и, вероятно, давно, сумел внедриться и обустроиться, благо, что довольно легко маскироваться под местных жителей. Наверняка несколько лет эти «охотники» жили здесь, не касаясь Урала, вращались в среде, занимались промыслом крупного зверя... Это они сейчас предстали перед ним в образе спецназа, подчеркивая тем самым, что ничего уже не опасаются, ибо полные хозяева в здешнем районе.

Настал их час, поступила команда...

Но несмотря на свою пресловутую мудрость, Восток пошел тем же путем, что и Запад, сделав ставку на Мамонта. Он должен был привести «охотников» к «сокровищам Вар-Вар».

Служанка – не гейша ли? – мгновенно оказалась рядом, намыливая мочалку-рукавицу; здесь нельзя было расслабляться ни на минуту. Мамонт не дал ей возможности задать вопрос, молча взял из ее руки мыло и стал намыливать голову...

Из бани Мамонт нес Ингу на руках, запеленутую в простыни и одеяла, будто новорожденную. Айога освещала дорогу фонариком. Они подходили к дому, когда за речкой в белесой от инея тайге неожиданно затрещали короткие очереди. Эхо забило в узкой долине, наполнив пространство гулками и свистящими щелчками. Мамонт непроизвольно остановился. От соседнего, хозяйского дома, взвывая мотором, на выстрелы умчался снегоход с двумя лыжниками на прицепе. Еще двое остались на крыльце – кажется, сыграли тревогу. Служанка заботливо поторопила Мамонта – вредно после горячей ванны стоять на улице!

Он внес притихшую и безвольную спутницу в дом, положил на кровать и стал снимать пуховик, в который его обрядила Айога после бани: здесь была предусмотрена каждая мелочь.

– Вот, возьмите это, – вдруг сказала она, протягивая Мамонту его пистолет. – Вы обронили возле источника...

Кажется, Восток предлагал честную игру, во что трудно было поверить.

Обещанный застольный разговор состоялся на следующий день: можно сказать, Тойё давал званый обед в честь своей удачной охоты. Прислуживал за столом мужчина – рослый и безмолвный человек, судя по всему, китаец, вышколенный как профессиональный официант. И насколько Мамонт разбирался в кухнях, это была китайская или корейская: приправы, острейший соус, мелко порубленное мясо с косточками, заправленное зеленью и черносливом, и блюдо, напоминающее обжаренные и уложенные в спираль пельмени.

Водка определенно была китайская, с корешком женьшеня.

Однако Тойё сам принес еще одну бутылку с небольшой, размером в карандаш, змейкой, плавающей в жидкости. Нечто подобное когда-то привозил Иван Сергеевич Афанасьев, работая в морском отделе Института на объектах Дальнего Востока. Помнится, водка, настоящая на змее, оказалась гадкой на вкус – это не считая того, что пришлось преодолевать психологический барьер...

И эта была ничуть не лучше.

Тойё незаметно следил за реакцией гостя.

– Экзотика, – прокомментировал Мамонт. – Но мерзость.

Хозяин пытался для затравки завести светский разговор.

– К таким напиткам следует привыкнуть. Посмотрите, третья рюмка вам уже понравится. Это как байкальский омуль с душиком.

Мамонт вспомнил вьетнамцев, с которыми оказался в одном купе по пути в Пермь, и почти реально ощутил гнилостный запах их пищи.

– Вряд ли, – усомнился он. – У нас слишком разные вкусы.

– Но это вовсе не значит, что мы не можем быть друзьями, – упорно продолжал свою арию Тойё.

– Поговорим о деле, – сухо предложил Мамонт. – Я благодарен вам за выручку и радушный прием. Говорю это искренне. Однако все время жду, какую сделку вы намерены мне предложить. Ваша вчерашняя охота прошла успешно, Тойё, поздравляю с полем. Но пора бы раздывать добычу.

Хозяин держался подчеркнуто скромно, а его цивильный костюм в деревенской избе казался чужеродным, нелепым.

– Мясники были у генерала Тарасова. И стали вашей добычей, не так ли?.. – Он чуть улыбнулся. – Мы охотники, но отрицаем всяческие пытки, насилие и тем более кровь.

– Отлавливаете дичь живьем? Чтобы потом приручить?

– Мне нравится ваше желание открытого диалога, Мамонт. Но вы же уверены, что я никогда не буду откровенным до конца? И непременно постараюсь перехитрить, скрыть истинные интересы?

– Да, как всякий человек Востока.

– Дальнего Востока, Мамонт, Дальнего. Вы чувствуете разницу между Дальним и Ближним?

– Только в средствах достижения цели. – Мамонт указал на бутылки. – И в напитках.

– Мне не хотелось бы углубляться в вопросы геополитики. – Тойё сам налил в рюмки женьшеневой водки. – Однако вы представляете себе нынешнюю ситуацию. Ближний Восток давно уже объединился с Западом – и, по сути, сейчас это одно целое. А если точнее, он незаметно и органически проник во все структуры Западного мира, произошел своеобразный синтез идеологии, политики, финансов и культуры. Самодовольный Запад продолжает кичиться своей свободой, образом жизни, но сам исправно служит интересам Ближнего Востока. В эту же орбиту втягивается сейчас и Россия. Она движется к своей гибели, как кролик в пасть удава. Гипноз цивилизованной Европы и Америки становится сильнее инстинкта самосохранения. Но пусть это останется на совести политиков, ибо национально мыслящие люди вовсе не рвутся в объятия западного монстра с ближневосточным лицом.

– Все это любопытно, – заметил Мамонт. – Только какое отношение ваши умозаключения имеют лично ко мне?

– Хочу, чтобы вы знали мою точку зрения, – пояснил Тойё. – Дальний Восток потому и Дальний, что сумел сохранить экологическую чистоту собственных воззрений на мир и ценности своей цивилизации. России предстоит сделать выбор: либо без остатка раствориться в синтезированной химере, либо впервые за последнюю тысячу лет повернуться и совершить открытие мира, который так долго и терпеливо стоит за спиной.

– Опять выбор?

– Только затем, чтобы избежать ножиц, – выдал Тойё заготовленный аргумент. – Если говорить о противостоянии в третьем тысячелетии, то оно будет только между Ближним и Дальним Востоком. А что касается выбора... То это же не игра в рулетку, где можно ставить на один и тот же цвет и наконец выиграть. В России осталось мало людей, способных к космическому мышлению.

– Считаете, что я обладаю таким мышлением? – Мамонт усмехнулся. – Приятно бы было, но это не так. Иначе бы я не сидел с вами тут.

Тойё слегка похлопал Мамонта по руке.

– Не пытайтесь мне доказать обратное!..

– Думаю, я в таких вопросах буду вам бесполезен. Я просто странник, а к кому и когда обернуться – решают политики, президенты, министерства иностранных дел.

– Не валяйте дурака, Мамонт, – весело рассмеялся хозяин. – Вы же отлично понимаете, о чем я говорю. И во многом согласны со мной, не так ли?

– Только догадываюсь!

– Перестаньте скромничать, хотя мне нравится это качество в мыслящих людях. – Тойё пригубил водки. – Мы знаем о вас чуть больше, чем вы предполагаете. Есть свидетельства, материалы и живые люди, доказывающие, что вы не просто странник. При желании могу их показать. Мне известно, Мамонт, вас водили в заповедные пещеры, где хранятся «сокровища Вар-Вар». Вы видели арийское золото, собранное и сохраненное таинственными жителями уральских недр, самоцветы, алмазы, от вида и количества которых можно сойти с ума. Что и произошло с человеком по фамилии Зямщиц. Только вы ничего не взяли, не выносили вы рюкзака с алмазами, – в такое мог поверить лишь генерал Тарасов... Вас лично знают многие хранители сокровищ. И не только здесь, а кое-где еще. Дальний Восток прекрасно осведомлен о сакральной сути Уральского хребта для России и всего арийского мира, который под воздействием Ближнего Востока, к сожалению, утратил память о своих святынях. Но мы знаем об этом. И помним об этом целое тысячелетие. Да, и у нас существует особая каста посвященных в эти таинства. Наши судьбы похожи, Мамонт. До поры до времени я тоже был слеп и легко внушаем, чтобы верить в объективную реальность человеческого существования, в силу

и власть политиков, чудеса электронной техники. Пока не занялся исследованиями человекоподобного существа йети, которое у вас называют снежным человеком. Я работал в Гималаях, руководил секретной экспедицией американо-японского совместного проекта. И сделал открытие, которое вам тоже известно. Объектами моего изучения оказались в прошлом обыкновенные современные люди, только с искусственно измененной генетической структурой – полная копия вашего Зямщица. Я стал искать, из какой лаборатории выходят эти странные существа, и пришел на Урал.

– Да, судьбы похожи, – согласился Мамонт. – Но по логике вещей на Урале вас должны интересовать йети, а не арийское золото.

– А разве я сказал, что меня интересует арийское золото? Совсем нет. Хотя Дальний Восток и претендует на некоторые российские территории, это не значит, что и на материальные ценности, накопленные не родственной нам древней общностью народов. Они не дают покоя Ближнему Востоку, который, как и мы, тоже не имеет никакого права на наследство. Но действует через своего сателлита – Запад и добьется успехов, если Россия не сделает правильный выбор.

– Угроза становится навязчивой...

– Это не угроза – та самая объективная реальность, которая господствует в мышлении Ближнего Востока, а значит, и Запада.

– Россия должна соединиться с Дальним Востоком, чтобы противостоять Ближнему? – Мамонт сделал паузу. – Правильно вас понял?

– В основном – да, – тоже стал тянуть мысль Тойё, будто не решаясь сказать что-то важное, как юноша, впервые объясняющийся в любви. – Впрочем, формальное соединение существует. У нас огромная протяженность общих границ, сопредельные территории, отчасти – общий космос. Но мы все время смотрим в ваш затылок, когда друзья должны смотреть в лицо друг другу, как мы с вами.

– А территориальные притязания?

– Это политика ныне живущих недалёковидных людей. Мы обязаны быть выше этого. Мы – это космически мыслящие люди.

– Золото вас не интересует, насколько понимаю, снежный человек – тоже... Мы ведем беспредметный разговор, Тойё.

Тойё неожиданно рассмеялся, допил свою рюмку и встал.

– У нас не только сопредельные территории! Да!.. Сопредельный образ мышления. У кого вы научились выскальзывать, когда вас держат за жабры? Где вы научились за улыбкой непорочного ребенка скрывать бурю мыслей и чувств?.. Нет! Мы с вами никогда не будем понятны химерическому симбиозу Ближнего Востока и Западного мира. И это нас объединяет больше, чем сопредельные территории!.. Хорошо, в таком случае вот вам прямой вопрос: что такое «сокровища Вар-Вар»?

Он мог отказаться отвечать, однако сейчас это был не выход. Следовало заставить Тойё выдать все, что он знает, и только потом, сориентировавшись, выбрать тактику дальнейшего поведения.

– Истинные «сокровища Вар-Вар» – некие Вещие Знания, – просто сказал Мамонт. – В своих изысканиях я пришел к выводу, что они существовали на Руси относительно недавно. Ими владели князь Олег, по прозвищу Вещий, затем Святослав Игоревич, каким-то образом их получили Всеслав Полоцкий и Ярослав Космомысленный – отец знаменитой Ярославны. Далее связь прерывается вплоть до Ивана Васильевича Грозного. Он получил в наследство известную Либерию – светское собрание Высших Знаний, накопленных человечеством за предыдущее тысячелетие истории. По моему разумению, владеть такой библиотекой мог лишь человек посвященный. Возможно, потому и был назван первым царем на Руси. В чем суть Вещих

Знаний – увы, мне не известно. А впрочем, с чего это вдруг Дальний Восток проявил такой интерес к арийской легенде?

– Это не легенда...

– Возможно, Тойё. Я допускаю самые невероятные варианты... Но какое отношение все это имеет к вам? К народам, как сами сказали, нам не родственным?

Мамонт не исключал, что весь их диалог пишется на пленку и потом, в одиночестве и тишине, Тойё прослушает его много раз, сопоставит детали, выявит уязвимые места, выверит логику и сформулирует новые, с двойным и тройным дном вопросы. Поэтому надо было меньше говорить самому и заставлять делать это хозяина: все-таки Мамонт – гость, а гостю полагается больше слушать...

– Я считаю, на Земле в неискаженном виде до наших дней дошли только две самые древние и самые мощные культуры, имеющие космическое значение. Это наши с вами культуры, Мамонт. По крайней мере они отличаются самостоятельностью и оригинальностью. Но, к сожалению, все древние учения и философии Дальнего Востока стали достоянием моды, когда Запад бросился искать смысл жизни, веру, истины. И все извратили, обернули в побрякушки вроде восточных видов борьбы... В этом есть и вина мыслящих людей. Признаюсь, мне когда-то тоже было приятно видеть летящего в воздухе каратиста. Мы не заметили подвоха, гнусную физиономию Ближнего Востока за этим полетом... Дальние и прежде закрытые страны оказались обнаженными перед будущим тысячелетием, иссяк потенциал волевой целеустремленности. Мы утрачиваем собственный отсчет Времени, нас втравили в погоню за экономическими, бытовыми ценностями. Дальний Восток не в состоянии выработать концепцию существования в новой эпохе.

– То же самое сейчас происходит в России, вы не одиноки, – вставил Мамонт. – Или вы предлагаете, как двум одноногим, купить пару сапог на двоих?

– Это вполне реально, Мамонт!

– А где же взять сапоги?

Тойё медленно вернулся на свое место и сел. Официант-китаец хотел налить в рюмки водки со змеей, однако хозяин грубовато оттолкнул его руку, сказал резко:

– Принеси и налей русской.

Мамонт уловил фальшь в голосе: кажется, собеседник подходил к главному вопросу.

– Нет русской водки. – Мамонт сел напротив. – Есть разведенный спирт с Ближнего Востока. А старой русской водки не существует.

Хозяин все понял, выждал, когда китаец нальет «смирновскую» немецкого производства, однако тост был сорван.

– Даже если бы и существовали эти Вещие Знания, нельзя скрещивать ужа и ежа, – добавил Мамонт. – Получится колючая проволока. Или снежный человек.

Категоричность Тойё расценил по-своему – как время сменить тактику. И сразу показал себя хозяином положения.

– Двадцать девятого августа этого года вы находились на том же склоне хребта, где я нашел вас вчера, – отчеканил он. – И исчезли после перестрелки с людьми генерала Тарасова. Мои охотники нашли трупы бандитов и ваш автомат. Двоих уложили вы, кто застрелил третьего? Из пистолета Стечкина? Установлено: такого оружия у вас не было.

– Надо понимать, начался официальный допрос? – Мамонт выпил, аккуратно положил в свою тарелку мясо и стал есть, орудуя вилкой и ножом, как на посольском приеме. Теперь его спокойствие будет выводить Тойё из равновесия и он скорее проговорится.

Однако хозяин умел балансировать на лезвии ножа.

– Предлагаю разговор двух мужчин, – жестковато отпарировал он. – Мы выяснили наши воззрения на предмет. Кто был с вами против людей Тарасова?

– Кто был, конечно, вы знаете? Может, закончим проверять честность друг друга, если это разговор двух мужчин?

– Нет, я не знаю. Но этот человек был ранен, мои охотники нашли кровь.

– Мог бы не отвечать вам, Тойё, – проговорил Мамонт. – Но в моем положении... Я ведь ваш пленник, а не гость. Верно?

Это ему пришлось не по нраву – хотел пока оставаться благородным и великодушным хозяином. После такой беседы нельзя делать резкий поворот к методам генерала Тарасова.

– Не отвечайте... Я рассчитывал на вашу откровенность, Мамонт, и не собираюсь загонять в угол неопровержимыми фактами и доказательствами. Поверьте, я ищу с вами общий язык из самых благих намерений. Ни Россия, ни Дальний Восток не смогут в одиночку противостоять Ближнему. Разложению и уничтожению человеческой природы в человеке мы должны противопоставить мощную древнюю философию, вернуть наши народы к своим корням, к мироощущению, достойному человека как образа и подобия Божьего. Все в ваших руках, Мамонт.

– Увы, в моих руках пусто. Кажется, Тойё, вы заблуждаетесь относительно моих возможностей. Они ничтожны.

– Да, если учесть, что вы способны проваливаться сквозь землю, – заметил хозяин. – Исчезать на восточном склоне хребта и через несколько дней появляться на западном... Хорошо, я не тороплю вас. Обдумайте мои предложения, у вас есть время. Вероятно, вашей спутнице придется сделать операцию: на ногах омертвление тканей...

Возвращаясь в свой дом, Мамонт постоял на площадке, устроенной посередине этой заимки: на улице все время находился один человек, должно быть, охранник, поскольку болтался без дела. Снегоходы стояли под навесом, по-армейски в ряд, аккуратно зачехленные брезентом. С виду все это напоминало охотничью базу, каких было достаточно на Урале. Возле беседки с широким столом висел плакат, предупреждающий о мерах пожарной безопасности.

Но прежде, чем бежать отсюда, следовало вылечить обмороженные ноги Инги: и впрямь придется отнимать почерневшие пальцы... Мамонт вошел в дом – служанка мгновенно оказалась рядом, приняла пуховик, шапку и рукавицы. Он заглянул за перегородку, где лежала Инга, и тут увидел сидящего у постели человека. Глаза спутницы отчего-то светились, а сквозь багровые коросты на щеках и губах проступала улыбка.

– Мамонт! – радостно позвала, и человек у постели медленно обернулся.

Мамонт непроизвольно и круто выматерился, забыв о женщинах и приличии: перед ним был Иван Сергеевич Афанасьев, старый и верный друг, давно мысленно похороненный и оплаканный...

5

Отправляясь на Балканы, он жалел об одном, что рядом нет и не будет Капитолины. Выстраданная и возрожденная любовь – это все, что оставалось от прежней жизни. Он понимал, нельзя рисковать, нельзя брать с собой в дорогу самое дорогое, поскольку впереди была полная неопределенность и бесконечная опасность – как на всякой войне. Однако у него срабатывал солдатский комплекс: все носить с собой, как бы тяжело это ни было.

Добираться до Боснии пришлось через несколько границ и суверенных государств, и во всех самых сложных ситуациях Арчеладзе благодарил запасливость своего бывшего «папы», позаботившегося о подлинных документах на все случаи жизни и денежных суммах в валюте. Так что путешествие было даже приятным. Пока не доехали до Земли Сияющей Власти, опутанной колючей проволокой, изрезанной нейтральными зонами и заминированной.

На сербской территории Боснии группу русских бизнесменов, приехавших установить экономические связи после блокады – под таким прикрытием Арчеладзе с командой въехал в бывшую Югославию, – встретил проводник, немногословный молодой человек, и отвез в небольшое горное селение, где до войны располагалась астрофизическая лаборатория. Купола двух обсерваторий были разнесены ракетным ударом с натовских самолетов, из покореженных сетей железной арматуры торчали останки телескопов, напоминающих гаубичные стволы большого калибра. Сами здания оказались без окон, в черных потеках сажи и зияющих сквозных трещинах: вероятно, применили заряды объемного взрыва. Уцелело несколько красивых коттеджей, вписанных в лесные горные уступы. В пяти километрах проходила разделительная зона, где стояли «миротворцы» из ООН.

Проводник расселил гостей в двух коттеджах: один был переоборудован в казарму для группы Кутасова, в другом Арчеладзе сделал штаб и поселился сам на втором этаже в паре с Воробьевым. Место было пустынное, сотрудники обсерватории ушли отсюда после авианалета, схоронив погибших на территории мемориала, установленного на братских партизанских могилах времен Второй мировой войны. Семнадцать стальных обелисков добавилось к сорока двум. Отштампованные из полированной нержавеющей стали, они были совершенно одинаковыми на могилах взрослых, детей и партизан. Арчеладзе показалось, что война здесь продолжается бесконечно – такое ощущение вызывало кладбище, растущее в один ряд, без разрыва.

По свидетельству проводника, здесь не было сербских артбатарей, американцы наносили превентивные удары по всем точкам, где их можно было бы расположить.

Кутасов сразу же выставил охрану и наблюдателя под разрушенным куполом обсерватории, пока что без оружия и приборов: тащить за собой вооружение, снаряжение и средства связи через столько границ было трудно да и ни к чему, поэтому приехали с голыми руками. Проводник сообщил, что в течение суток на базу доставят все необходимое по списку, составленному Арчеладзе.

Под утро, перед восходом солнца, полковник проснулся оттого, что кто-то раскрыл окно и потянуло сквозняком. Он приподнял голову – перед окном, спиной к нему, стояла молодая женщина с желтыми распущенными волосами, спадающими крупными волнами до самой поясицы. На плечах, стянутая ремешком, была длиннополая, из темно-синего сукна, плащ-палатка. Женщина подняла согнутые в локтях руки, и отблеск зари пронизал багровым светом тонкие длинные пальцы и волосы.

Арчеладзе смотрел, словно замороженный. Как могла попасть эта женщина на второй этаж коттеджа, если кругом выставлены посты, а внизу сидит дежурный офицер из команды Кутасова – все обязаны докладывать немедленно о появлении в районе обсерватории любого человека.

– Ура! – сказала она. – Здравствуй, Тресветлый!

Ее сильный голос как бы стряхнул оцепенение.

– Как вы прошли сюда? – спросил полковник. – Кто вы?

– Ты проснулся, Гриф? – вымолвила она, не оборачиваясь.

Кличку Гриф ему присвоил Сергей Антонович еще в Москве. Она являлась своеобразным паролем и в Сербии, и здесь, в Боснии.

Женщина опустила руки и обернулась: на вид ей было лет двадцать пять, красивое, в строгих пропорциях лицо, синие большие глаза... Арчеладзе встал, благо, что спал одетым, укрывшись овчинным полушубком. В помещении было холодно, проводник обещал привезти солярку для котла вместе с оружием и снаряжением.

– Здравствуйтесь, – проговорил он, чувствуя знакомое очарованное волнение, как было в присутствии той женщины с вишневыми глазами.

– Говори мне «ты». – Это была просьба и приказ одновременно.

– Хорошо...

– Меня зовут Карна, – представилась она, закрывая створки окна.

В ней было что-то царственное, и старинный этот плащ из толстой ткани лишь подчеркивал ее воинственную волю и власть. Если «вишневая» женщина была как бы воплощением женственности и очарования, то в этой, кроме всего, чувствовались высокий дух и способность повелевать. Возможно, потому трудно было выполнить то, чего она требовала, – обращаться на ты.

Она приблизилась к Арчеладзе, и он уловил стойкий медицинский запах, исходящий от одежды Карны. И ощутил неожиданное желание прикоснуться к волосам.

– Ты похож на грифа, – сказала она, открыто рассматривая полковника. – Я часто смотрю, как эти птицы парят над Балканами... Тебе будет хорошо здесь, когда-то твои предки жили в горах. Через их кровь ты получил орлиный взор. Я буду называть тебя Грифом.

– Пожалуйста, – согласился он, чувствуя, что ее царственность не подавляет его воли.

– Мне известно, ты никогда не был в Земле Сияющей Власти, – продолжала она. – А также то, что ты не посвящен, почему эту землю следует охранять и от кого. Когда на Балканы придет Авега и принесет соль Знаний, ты получишь ее. Но столько, сколько необходимо, чтобы служить на Балканах. А пока нет Авеги, я дам тебе одну шепоть, чтобы ты ощутил ее горечь.

Полковник слушал и внутренне изумлялся себе, что воспринимает эту странную речь вполне серьезно, как должное. Карна владела даром внушения...

– Мы не имеем права вмешиваться в исторические процессы, происходящие в Земле Сияющей Власти, – она говорила отрывисто, четко и одновременно спокойно, – поскольку нарушится естественное движение времени. И только в исключительном случае, когда существует угроза Балканской святыне, мы вправе защищать ее любым доступным способом. Кощеи спровоцировали войну с единственной целью: ввести свои войска под эгидой ООН в самое сердце Земли Сияющей Власти, истребив сначала руками мусульман и хорватов носителей духа Северной цивилизации – сербских гоев. Как известно, на войне гибнут самые мужественные и храбрые воины. Подобные ритуальные действия кощеи повторяют периодически, но давно не было такой реальной угрозы одной из святынь на Балканах – горе Сатве. В последний раз с помощью хорватских усташей к Сущности Мира искал путь Бесноватый Кощей, но гои отстояли гору и не подпустили археологов. Сейчас ситуация опаснее тем, что цель войны достигнута и священная гора находится в разделительной зоне под охраной батальона морской пехоты из Соединенных Штатов. Кощеи пытаются взять под контроль всю прилегающую к Сатве территорию. Есть сведения, что на Балканы прибыла группа археологов «Арвох» с собственной службой безопасности, которая уже действует в регионе. Археологи намерены проникнуть в недра священной горы.

Карна замолчала и несколько минут смотрела в окно на восходящее солнце, закутавшись в свой плащ.

– Насколько я понимаю, группа «Арвох» и ее служба – мой противник, – воспользовавшись паузой, уточнил Арчеладзе.

– Да, Гриф, – задумчиво подтвердила она. – Две тысячи лет назад, для того, чтобы уничтожить святыни, кощей Аристотель выкормил Великого Изгоя Александра Македонского. А тот, в свою очередь, создал для этой цели империю, как прикрытие своего похода. Кощеи создавали свою версию Сущности Мира для нашей эпохи и уничтожали все источники Вещих Знаний, принадлежащих Северной цивилизации. В Персии Великий Изгой сжег священный список Авесты, после чего направился в Индию, чтобы предать огню Веды. Мы остановили его и отправили назад в бочке с медом. После чего вынуждены были устранить и кощея Аристотеля. С той поры незримая битва продолжается по сей день. Теперь они не создают империй и действуют без всякого исторического прикрытия, ибо мир сегодняшний состоит из изгоев, не понимающих сути простых вещей, утративших свет и зрение. Группа «Арвох» до Балкан работала в Египте, пытаясь отыскать и уничтожить святыни, которые стережет Сфинкс. Там мы установили дополнительную защиту и на какое-то время избавились от «Арвоха». Но он воскрес. В среде изгоев нетрудно навербовать новых гробокопателей-ученых.

– Я должен устранить их физически? – спросил полковник.

– Только в крайнем случае, Гриф, – полуприказным тоном сказала Карна. – Есть другие способы и средства, чтобы избавиться от археологов. Убить слепого изгоя – все равно что убить неразумное дитя. Археологи не подозревают о конечной цели своей работы, в основном это люди, увлеченные историей и поиском истины. Другое дело – их служба безопасности, которая полностью контролирует деятельность «Арвоха», и ее шеф, Рональд Бергман, кощей, посвященный во все тонкости операции на горе Сатве.

– Скажи, Карна, что представляет из себя святыня? – осторожно поинтересовался Арчеладзе. – Что находится в недрах горы? Я должен иметь представление о том, что охраняю.

– Там ничего нет, только камень и глина.

– В чем же суть священности?

– Авега принесет тебе соль, – пообещала Карна. – А пока скажу, что Сатва – место, где постигается Сущность Мира. Гора является нижней, земной частью Храма Сияющей Власти. Ты почувствуешь это, когда взойдешь на вершину.

– Я материалист и воин, – сказал полковник. – Мне трудно поверить в ирреальные вещи...

– Не спеши, Гриф, – неожиданно улыбнулась Карна. – Все, что ты называешь ирреальными вещами, происходит рядом с тобой. Как я прошла сквозь твои посты и оказалась в этой комнате? Ты веришь своим глазам? Или я приснилась тебе и меня не существует?

– Да, – признал он. – Я верю своим глазам. Пока верю.

– Поэтому даю тебе полную самостоятельность в действиях.

– Если мне потребуются консультации?..

– Я пришлю Дару. Она будет постоянно находиться рядом с тобой.

Карна сделала несколько шагов к двери, обдавая его ветром от плаща, и неожиданно остановилась, повернула голову. И голос отчего-то сразу изменился.

– Гриф, ты встречался с человеком по имени Мамонт. В Москве...

– Встречался...

– Расскажи мне, какой он? Как выглядел?

– Я не рассмотрел его, – признался полковник. – Встречались ночью: в машине, без света...

– Странно. – Карна вернулась от двери. – Насколько я знаю, вы проговорили с Мамонтом несколько часов у него в особняке.

– В особняке был другой человек, Майкл Прист.

– Нет, это тоже был Мамонт, Александр Алексеевич Русинов.

Арчеладзе хмыкнул, покачал головой.

– Да, я подозревал...

– Каким он стал? – вымолвила она, и полковник уловил глубокую женскую тоску. Это было так неожиданно в ней, властной и царственной.

– Каким стал? – переспросил он, чтобы собраться с мыслями. – Мы встречались всего раз... Я не знал его прежде, не могу сказать, каким стал, потому что не знаю, каким он был. Он чем-то похож на тебя.

Арчеладзе понял, что ничего не может сказать о Мамонте, ему нечем помочь Карне. Впрочем, она ничего особенного и не ждала, вероятно, ей было просто необходимо спросить о нем, назвать имя и этим как бы освежить свою память.

– Ты не знаешь, где он сейчас? – совсем уж безнадежно спросила Карна.

Он так же безнадежно дернул плечами. Это было странно: владея сложной информацией о многих вещах и людях, владея некой безграничной тайной властью, она ничего не знала о близком ей человеке и радовалась каждому услышанному о нем слову, как птица оброненному в дорожную пыль зернышку.

На пороге она обернулась, подняла руку, произнесла негромко:

– Ура!

И он не услышал в этом возгласе выражения восторга...

Интернационал в Боснии предстал перед Арчеладзе в натуральном виде, лишь слегка замаскированный под миротворцев ООН.

Можно было бы долго размышлять, проникая в смысл сказанного Карной, но здесь все было как на ладони. Знакомый по школьным учебникам Коминтерн возродился в другом, но узнаваемом виде – как международная организация, созданная якобы для поддержания мира. Была найдена идеальная форма легализоваться, после того как потерпела крах коммунистическая идея, с помощью которой Интернационал двигался к мировому господству. Вероятно, Сталин понял истинную суть Коминтерна, терпеливо ждущего конца Второй мировой войны, чтобы выйти из-за спины и воспользоваться победой в своих целях. Он опасался, что ему надедут струну на шею, и своими руками погубил детище, которое пестовал много лет. Он знал, чем это грозит, и был наказан немедленно, сразу же после Победы, получив для России многолетнюю «холодную войну».

А Интернационал благополучно воскрес, и вместо одной отрубленной головы выросли три.

То, что происходило в бывшей Югославии, для материалиста Арчеладзе было понятнее, чем откровения Карны. Лишь после разведки в регионе он ощутил наконец горечь соли Знаний: южных славян резали и рвали на части, как волчья стая рвет выбившегося из сил оленя. Интернационалу требовалась земля обетованная, Земля Сияющей Власти, чтобы начать очередной поход за свою древнюю идею, теперь звучащую как «новый мировой порядок».

Судя по тому, как обустроивались «миротворцы» ООН на Балканах, можно было смело сказать, что они пришли сюда навсегда и не покинут эту территорию, расчлененную нейтральными зонами. По крайней мере рассчитывают на это. Сама Боснийская Сербия и все прилегающие к ней районы кишели группами военной, политической, экономической разведок многих стран мира, действующих под самым разным прикрытием – от Пресс-бюро до Красного Креста. Воронье слетелось клевать добычу на поле брани, так что отыскать в этом скопище археологов «Арвоха», а особенно их службу безопасности, оказалось не так-то просто.

Оказавшись в Боснии, «мосфильмовский каскадер» Кутасов угодил в долгожданную и естественную для себя среду обитания. Из трех рейдов по наиболее вероятным местам базирования «Арвоха» он привел четырех пленных, которые оказались сотрудниками и агентами спецслужб ЦРУ, «Моссада», английской МИ-5, польской ВОГ, а один и вовсе сотрудничал

сразу с двумя разведками. После обстоятельного допроса выяснилось, что они не имеют представления ни об «Арвохе», ни тем более о его спецслужбе. Создавалось впечатление, что в Боснии выйди на улицу, останови любого пришлого человека, и он непременно будет связан с какой-либо секретной операцией. Этот невероятный интерес к междоусобному конфликту на Балканах был лучшим доказательством правоты Карны. Из четвертого рейда по хорватской территории он привел немецкого католического священника, который подходил для спецслужбы «Арвоха» по всем статьям – археолог по образованию, некоторое время работал в Египте, владеет шестью языками, в том числе арабским с сирийским диалектом. Но у этого святого отца под рясой оказался мундир полковника БАТ – разведслужбы объединенной Германии. Не подозревая о том, к кому попал в руки – думал, что к американцам, – он давал свои связные телефоны и коды радиосвязи, требуя немедленно устранить все недоразумения. У него и в мыслях не было, что у русских на Балканах есть еще какие-то интересы: похоже, власти в России окончательно предали бывшую Югославию, все явные и тайные союзнические отношения.

Кутасов готов был перетаскать на обсерваторию представителей всех разведок мира, однако этот бесперспективный путь Арчеладзе вынужден был перерезать: похищение пятерых и так вызвало ажиотаж у «миротворцев» ООН. Незамедлительно последовал ультиматум сербам, что если не прекратится террор против журналистов, священников и представителей миссии ОБСЕ, то вновь будут применены экономические санкции. Чтобы не обнаружить своего присутствия на Балканах, выпускать на свободу пленных было нельзя...

Гора Сатва, упакованная в колючую проволоку, была постоянно под наблюдением, в ясную погоду отлично просматривалась в сильную оптику с купола обсерватории. Ни рядом, ни в самой зоне, за исключением морпехов США, никто не появлялся. Даже простейший анализ разделительной зоны давал понять, что «миротворцев» в первую очередь интересует эта гора: повсюду ширина нейтральной полосы колебалась от 300 до 1500 метров, а тут она раздвигалась более чем на четыре километра, охватывая гору со всех сторон. И охрана была усилена в десяток раз по сравнению с другими участками зоны, кроме того, вдоль пирамид из проволочных спиралей шли плотные минные поля. Пленные утверждали, что сделано это по одной причине: Сатва – господствующая высота.

Во время боевых действий в районе горы была сосредоточена самая мощная группировка мусульман с артиллерией, установками залпового огня и бронетехникой. Штурмовали Сатву в течение полугода, невзирая на большие потери, хотя эта территория была для мусульман чужая – они никогда не жили в этом регионе Боснии. Пришедшие на помощь хорваты тоже не смогли прорваться и стали в километре от горы. И только когда в воздух поднялась авиация НАТО, уничтожившая огневые точки и артсистемы на вершине и склонах Сатвы, мусульмане захватили ее и передали «миротворцам» ООН, которые обнесли гору колючей проволокой, таким образом сделав эту территорию нейтральной, а значит, своей.

Местное население – в основном сербы – ушло с прилегающих территорий еще во время войны, и назад, естественно, не пускали никого, в том числе и мусульман, изъявлявших желание поселиться на новом месте. В сербской деревне, больше напоминающей маленький городок, был расквартирован батальон морской пехоты. Кутасов со своими ребятами уже сползал туда и привел языка, сотрудника ЦРУ, приехавшего в Боснию под видом специалиста-пожарного. Прикрытие было явно неудачным, поскольку за две недели пребывания Арчеладзе не видел ни одного пожара. Впрочем, все разведки не особенно-то беспокоились о своей «крыше», действуя полулегально.

Прежде чем самому пойти в зону, полковник полсуток просидел со стереотрубой под разрушенным куполом обсерватории, и когда они на пару с Воробьевым проникли на нейтралку, местность показалась знакомой, не раз пройденной. За проволокой оставалась группа прикрытия из трех человек, которая в случае надобности должна была отвлечь внимание морпехов на

себя. Зона охранялась по принципу государственной границы – патрулями и «секретами» на бронетехнике, установленной у подножия Сатвы. Арчеладзе рассчитывал убить двух зайцев: самому, наконец, побывать на священной горе и к тому же посмотреть деревню, где стоял батальон морской пехоты. Поэтому вышел на охоту рано, с началом ночи. Весь день шел дождь, а вечером похолодало и полетел мокрый снег – погода самая подходящая, хороший хозяин собаку на улицу не выгонит.

Патрульные пары двигались с интервалом в семь минут. Хорошо набитая и теперь размокшая глинистая тропа четко ограничивала минное поле, где у Кутасова был сделан проход. Пехотинцы скользили, поругивались, даже невооруженным глазом было видно, сколько одежды накручено на каждом – французы под Москвой. На некошеном, не выбитом скотом альпийском лугу, опоясывающем подножие Сатвы, качалась под ветром почерневшая высокая трава, однако разгуливать по бездорожью было опасно, не имея карт минных полей. Арчеладзе нашел старый и хорошо протоптанный след, ведущий к горе, – растяжку от мины все равно не увидишь, но хоть трава ноги не путает. Около километра прошло без всякого напряжения, мрак был настолько плотный, да еще усиленный дождем, что прибор ночного видения действовал только с лазерной подсветкой. Инфракрасный излучатель быстро разряжал батарею, поэтому Арчеладзе включал его редко, больше доверяясь интуиции. Чистый луг скоро перешел в каменистый, почти голый склон подошвы Сатвы, тянувшийся до границы леса. Они с Воробьевым забрались в укрытие между белесых глыб известняка, чтобы осмотреться, и неожиданно заметили, как из леса в разных местах появились парные человеческие фигуры. Двигались быстро, причем к одной точке – туда, где только что были Арчеладзе и Воробьев. Голубые каски хорошо различались и в темноте...

И тут же с тропы сошла патрульная пара, двигаясь наперерез зоны. Это уже походило на тревогу.

- Нас засекли, – прошептал Арчеладзе, доставая радиостанцию.
- Не может быть, – усомнился Воробьев. – Идем, как мыши.
- По инфракрасному лучу. Приборы больше не включать.

Он связался с Кутасовым, попросил его пошуметь за проволокой, «посветить» лазерным лучом. «Каскадер» предусмотрительно удалился от прохода в минном поле и отвлек внимание на себя: из леса появилась еще одна пара голубых касок, скользнувших к ограждению зоны, а со склона по сербской территории неожиданно ударил крупнокалиберный пулемет. Гору стерегли серьезно! И эта усиленная охрана появилась на днях, возможно только вчера, поскольку Кутасов дважды проходил зону без всяких проблем, мало того, таскал через нейтралку захваченных языков.

Похоже, археологи приступили к раскопкам...

Из-за Сатвы ударил орудийный выстрел, и над горой после хлопка повис осветительный снаряд. Но это морпехи сделали зря, перестраховались, ибо по земле побежали пятна и тени, засветились дождевые капли в воздухе, ослепляя и сбивая с толку рысующих по зоне «миротворцев». Арчеладзе под этот шумок за один бросок преодолел открытое пространство и залег на опушке леса. Фонарь над горой сотлел и погас.

– Давай еще! – шепотом попросил Воробьев.

Артиллеристы услышали просьбу, повесили еще один снаряд, теперь над лугом – пробираться по лесу было одно удовольствие, тени от деревьев бежали по земле, как живые...

И вдруг впереди, на уступе, вырос заслон в виде сложенной из камня стенки с амбразами. Слева и справа искрилась в голубоватом мерцающем свете колючая проволока, разбросанная и растянутая по деревьям. Арчеладзе лег за дерево, Воробьев повалился рядом, понюхал землю.

- Грибами пахнет, Никанорыч...
- Керосином пахнет, балда, – пробурчал Арчеладзе. – Видал, как опутали?

Он выждал, когда догорит снаряд, и пополз вдоль укрепленного уступа. Мокрый лесной подстил и шорох дождя скрадывали все звуки, за спиной редкими, но длинными очередями монотонно стучал пулемет. Видно, пушки получили нагоняй по радио от ослепленных «миротворцев» в зоне и фонарей больше не вешали. Зато в южной стороне зоны послышалось урчание дизелей – кажется, шла бронетехника.

Обтянутым колючей проволокой оказался весь уступ Сатвы, укрепленные посты были через каждую сотню метров, так что ползать вдоль них не имело смысла: проход на вершину горы перекрыли плотно. Арчеладзе спустился ниже и сел под деревом, привалившись спиной.

– Слушай, Никанорыч, – прошептал Воробьев, прислушиваясь к пулемету, – а ведь война идет, Третья мировая.

Он не вкусил еще ни крупички соли – о встрече с царственной Карной полковник ничего не рассказывал, по старой привычке храня всю обобщенную информацию только в своих руках.

– Молодец, наконец-то догадался, – проворчал он. – А ты говоришь, грибами пахнет...

– Как-то не по-людски, – сказал Воробьев, отрывая от коленей мокрые, прилипшие к телу штаны, – без объявления и, в общем, без причины... Трах, бах и – война. А мы и не заметили. Вроде бы и воздух тот же, и дождь, и грибами пахнет. Но состояние уже другое... Если на Балканах загорелось, скоро жди в России.

Бронетранспортеры выехали на луг, рассредоточились и открыли огонь из автоматических пушек. Со склона горы были видны лишь вспышки выстрелов и красные линии, вычерчиваемые снарядами. Переполох у охраны поднялся нешуточный, и пока морская пехота отстреливала тени и призраки, следовало уходить из зоны на мусульманскую территорию: подняться на вершину Сатвы без специальной подготовки нечего было и думать, так что один заяц оставался неубитым.

С мусульманской стороны зона охранялась не так плотно – это Арчеладзе рассмотрел еще в стереотрубу, – однако сейчас, по тревоге, вдоль проволочных заграждений были выставлены дополнительные посты. И один – рядом с проходом в минном поле, проделанным Кутасовым! Ловушка получалась крепкая – ни назад, ни вперед, пока морпехи не постреляют и не снимут усиление. А если испуг у них не пройдет, то могут оставить его до утра. Конечно, можно тихо снять пост и пройти, но оставлять следы, тем более в виде трупов, нельзя было ни в коем случае. И мины без миноискателя и специальной подготовки не снимешь, чтобы проскочить между постами.

Пришлось залечь на каменистом поле в трехстах метрах от заграждения и ждать. Арчеладзе связался с Кутасовым – оказывается, тот давным-давно находился за горой, а охрана палила в ту сторону, где пошумела группа обеспечения.

– Сейчас приду к вам, – сказал Кутасов. – И приведу сапера.

– Сиди на месте, – приказал полковник. – Не хватало, чтобы всех тут накрыли.

– А выкрутишься, Никанорыч?

– Попробую.

Лежали около часа, от сырости и холода начинался озноб, а морская пехота все еще ползала по зоне, постреливая по сербской территории. Похоже, прогноз оправдывался, усиление оставили до утра...

Рассчитывать можно было лишь на то, что к утру сработает эффект рассвета, когда все ночные страхи кажутся смешными и пустяковыми. К тому же промокшие и уставшие морпехи утратят бдительность, и тогда можно попробовать проскочить мимо поста. Если нет, то придется уползать в лес на склон горы, зарываться в листву и лежать до следующей ночи. Арчеладзе не стал делиться с Воробьевым своими невеселыми мыслями, но тот сам, видимо, думал о том же.

– Если сутки под дождем и на сырой земле, – сказал заядлый грибник, – воспаление легких как минимум.

– Не каркай, – бросил полковник. Один из бронетранспортеров пополз за спинами, огибая Сатву по подошве. Ехал без света – водитель, должно быть, пользовался прибором, громыхал днищем по камням. Можно было представить, что начнется в зоне с рассветом, если они ночью пытаются прочесать всю прилегающую к горе территорию.

– Никанорыч, гляди, это что? – вдруг заговорил Воробьев и потряс Арчеладзе за ногу. – Вон, напротив ограждения.

Полковнику вдруг стало жарко: от минного поля в их сторону двигалась неясная человеческая фигура, причем в открытую и медленно. И без голубой каски...

Воробьев выставил автомат впереди себя, однако Арчеладзе сделал знак – берем живьем. Переползать на другое место было рискованно, а фигура двигалась точно на них, и оставалось до нее метров пятнадцать. Из расплывчатой тени стали проступать контуры – нечто столбообразное и широкое, как гранитный постамент. Изготовившийся к броску Воробьев замер в позе бегуна на низком старте.

Громоздкий этот человек остановился в двух саженях – далековато, чтобы достать в одном прыжке!

– Вставай, Гриф, пойдем, – вдруг послышался спокойный женский голос. – Меня прислали к тебе.

– Карна? – после паузы проговорил Арчеладзе, чувствуя, как немеют губы.

– Нет, я Дара, – был ответ.

Свистящий вой бронетранспортера все еще звучал за спиной и громыхали по броне камни. Полковник привстал на колени, поднял автомат.

– Как же мы пойдем? – неуверенно спросил он, двигая деревянными губами, хотя понимал, что не следует ничего спрашивать.

– Я отведу глаза, пойдем. – Она сделала шага три вперед, и теперь можно было рассмотреть свисающий с ее плеч длинный плащ.

– Кто это, Никанорыч? – опомнился Воробьев.

– Дара... – Арчеладзе медленно выпрямился. – Пойдем за ней.

Она не была ни галлюцинацией, ни призраком, стояла осязаемая и реальная, в промокшем тяжелом плаще, с непокрытой головой и слипшимися волосами. Уже в который раз он прикасался к тому, во что можно было верить и не верить, но как ни ломай голову, ни войю с протестующим своим внутренним двойником, явление это существовало и никуда было не деться.

– Никанорыч, ты что, с ума сошел? – зашептал Воробьев, выставив автомат. – Куда мы пойдем? На тот свет, что ли?

– Молчи, – приказал полковник. – Вставай и пошли.

– Идите за мной и смотрите только себе под ноги, – предупредила Дара. – Ни в коем случае не поднимать глаз. Походка восточной женщины. И постарайтесь ни о чем не думать, в полной бесчувственности.

– Никанорыч...

– Заткнись, – оборвал Арчеладзе. – Потом все объясню.

Дара спокойно и медленно пошла в сторону ограждения, обходя крупные камни. Полы плаща ее волочились по верхушкам трав, пригибали их к земле, и полковник почти физически ощущал, как за ее спиной возникает некое разреженное пространство, в котором им и следует находиться. Она вывела их на скользкую, глинистую дорогу, разбитую колесами бронетранспортеров, и направилась по ней к открытому проходу сквозь колючую проволоку, где маячили в темноте голубые каски.

– Спокойно, полное расслабление, – еще раз предупредила Дара. – Опустите оружие. Взор потуплен. Чтобы не думать, считайте шаги.

Непроизвольно Арчеладзе стал думать, точнее загадывать – если сейчас они незамеченными пройдут мимо часовых и ничего не случится, то придется поверить...

И не успел закончить мысль.

– Не мешай мне, Гриф! – шепотом, сквозь зубы произнесла она. – Замолчи!

Идти мимо противника, глядя себе под ноги, полковнику еще не приходилось...

Он считал шаги и видел только полы ее плаща на отлет и облепленные грязью задники сапог. Так продолжалось долго, счет перевалил за четыреста, монотонность шага смирила мысли и чувства. Арчеладзе будто очнулся, когда едва не налетел на Дару.

Все было позади – зона, ограждение, «миротворцы». Они стояли на каменистом склоне соседней плоской горы, в полукилометре от деревни, где квартировал батальон морских пехотинцев США.

– Сейчас мне нужно уйти, – сообщила Дара. – На обратном пути найду вас... И вот что, Гриф. Сейчас можешь сомневаться, сколько угодно. Но когда я тебя веду – не смей.

– Прости, Дара, – вымолвил он. Плащ опанхнул траву от резкого поворота и, тяжело колыхаясь, медленно полетел над землей. Воробьев выждал, когда она пропадет во тьме, выпустил из рук автомат.

– Что это было, Никанорыч?

– На хрен... Не спрашивай, не знаю, – отмахнулся Арчеладзе. – Пошли, пока не рассвело.

Православный храм, очертания которого хорошо просматривались на фоне неба, был очень похож на многие церкви в Москве и создавал обманчивое ощущение мира, сонного дождливого ночного покоя, какой бывает поздней осенью где-нибудь на Воробьевых горах. Казалось, деревня спит и нет здесь ни военных, ни светомаскировки на окнах, ни тревоги. Ко всему прочему стрельба в зоне прекратилась, и над Сатвой повисла тишина.

Когда же подобралась к одному из домов – заходили через изгороди и сады, то сразу послышалась напряженная, тревожная жизнь: где-то хлопали двери, брэнчало железо, стучали шаги по мостовой, и сквозь щели сочился электрический свет. Там, где была эта жизнь, искать что-либо не имело смысла. Если где-то тут квартируют археологи «Арвоха», у них будет тишина, поскольку тревога сыграна, чтобы обеспечить их безопасность.

Улицы как таковой в деревне не существовало, поскольку, расположенная на склоне горы, она представляла собой в беспорядке стоящие отдельные дома, окруженные садами и виноградниками, между которыми были узкие извилистые проезды. Пробираясь по садам, они пошли от усадьбы к усадьбе, прислушиваясь к шуму и голосам. Кое-где наткнулись на бронетехнику, спрятанную среди яблонь, обнаружили и батарею из трех гаубиц десантного варианта, стоящую в боевом положении и, видимо из-за дождя, без расчетов и охраны. Нашли и штаб батальона, где как верный демаскирующий признак стоял командирский бронетранспортер с развернутой мощной космической антенной. Видимо, в деревне морпехов никто никогда не тревожил, и они жили довольно беззаботно, не то что в зоне. По крайней мере, пройдя половину домов, Арчеладзе не заметил ни одного часового. Лишь за церковью белел в темноте урчащий грузовик и два или три человека что-то выносили из дома и складывали в кузов.

Из двух десятков домов только в четырех было тихо, однако на поверку оказалось, что все они либо разбиты артиллерией, либо просто выгорели изнутри и теперь стояли черными, мрачными коробками. В остальных хозяйничали поднятые по тревоге пехотинцы...

Арчеладзе ушел за околицу вверх по склону и встал под старой развесистой шелковицей – здесь меньше капало.

– Ну, и где этот «Арвох»? – спросил он себя. – Не иголка же, под камень не спрячешь...

Воробьев достал из кармана боевого передника фляжку со спиртом, пригубил сам, подал Арчеладзе.

– Слушай, Никанорыч... Если эта барышня мимо часовых ползает, как... – Он отпыхался. – Что бы ей не пойти и не поискать археологов?

Полковник продавил в себя холодящую жидкость, обсосал пушистые мокрые усы.

– Если бы могла... Нас бы сюда не послали. Наверное, тоже есть какие-то пределы. А потом, война – дело мужское.

– Резонно, – согласился Воробьев. – Женщины... особенно такие барышни, только и умеют, что глаза мужикам отводить.

– Будто ты рассмотреть ее успел...

– Почему не успел-то? Успел. Ножки у нее – яти-схвати...

– Да она же в сапогах была и в этом балахоне.

– Хорошие ножки не спрячешь, – усмехнулся «грибник». – Да и вся она – так, ничего...

Груздок такой белый и хрустящий.

– Ладно, хватит, – оборвал Арчеладзе. – Что делать будем?

– Да пора бы и назад драпать. Время – четвертый час... Я вот думаю, а днем она нас протащит через зону? Или нет?

– Надо искать археологов, – решил полковник. – Посмотрим следующую деревню.

И, не дожидаясь возражений, вышел из-под дерева.

Бывшее сербское селение, теперь занятое мусульманами, располагалось в седловине гор, окруженное альпийскими лугами. На дороге стояла застава, поэтому двинулись в обход, опять по задам, по раскисшему глинистому склону, кое-где изрытому окопами и бомбовыми воронками. Кутасов здесь не был – не хватило темного времени, поэтому разведка минных полей не проводилась; оставалась надежда, что прежде чем позволить поселиться мусульманам, «миротворцы» обезвредили прилегающую территорию.

Похоже, население тут занималось скотоводством: на задах стояли скотные дворы и кошары с провалившимися крышами, а кругом – бесконечные изгороди пастбищ и загонов. Арчеладзе намеревался выйти на улицу, но возле первого же дома пришлось залечь. Из-за строений явственно доносилось чавканье грязи под ногами. Шли двое, в плащ-накидках и касках, судя по размеренному неторопливому шагу – патруль. Пропустив его, полковник прокрался мимо большого каменного дома с английским газоном и присел возле стальной изгороди.

Сразу за углом стоял джип с надписью по-английски – «Гражданская полиция ООН». За ним, в ряд, – четыре крытых грузовика.

Для маленького селения это было слишком.

Аналогичная надпись оказалась на белом пластиковом знаке, укрепленном на решетке забора.

Полковник показал знаком Воробьеву – назад, и сам осторожно двинулся к хозяйственным постройкам. Преодолев три деревянных изгороди, он неожиданно потерял из виду Воробьева и остановился. Начинало светать, чуть-чуть посерело небо и потянул ветер. У соседнего дома на фоне белесой стены он разглядел еще один автомобиль с какой-то установкой в кузове и над кабиной что-то вроде подъемного крана. Через несколько минут из-за него появился «грибник», очень довольный и веселый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.